

Санкт-Петербургский государственный университет

***Г.К. ВАГНЕР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ***

Выпускная квалификационная работа по направлению

47.04.03 «Религиоведение»

Основная образовательная программа «религиоведение»

Исполнитель

Трунова Кристина Александровна

Научный руководитель

д.ф.н., проф., проф., Кафедра философии религии
и религиоведения СПбГУ

Т.В. Чумакова

Рецензент

к.ф.н., доцент, Отдел подготовки кадров высшей
квалификации и международных научных проектов,
ФГБНУ "Институт экспериментальной медицины"

А.С. Бренькова

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. История изучения средневековой культовой архитектуры	12
1.1. Западноевропейская традиция изучения средневековой культовой архитектуры: историография проблематики	12
1.2. Отечественная традиция изучения средневековой культовой архитектуры: историография проблематики	21
Глава 2. Интеллектуальная биография Г.К. Вагнера как исследователя религиозной средневековой культуры.....	34
2.1. Основные этапы жизни и деятельности ученого.....	34
2.2. Формирование исследовательского мировоззрения: научное и творческое наследие	46
Заключение	60
Список источников и использованной литературы	63

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что отечественная история XX века крайне трагична сама по себе, а история отечественной (советской) науки вдвойне подверглась давлению. Научные исследования проводились в рамках идеологического диктата и жесткой цензуры. Особенно этому давлению подвергались отечественные ученые, занимавшиеся исследованиями в области истории религии, религиозного искусства, которым приходилось в условиях страны «массового атеизма» в своих работах делать акцент на художественность и самобытность.

В указанный период изучение русского искусства принималось за излишний патриотизм, который носил, скорее негативные коннотации и расценивалось как проявление национализма, что негативно отразилось на последующем изучении средневековой религиозной культуры в целом. Многие из исследователей были репрессированы, некоторые из них убиты, лишь немногие были впоследствии реабилитированы.

Данную проблему важно поднимать потому, что страница отечественного религиоведения остается малоизученной до сих пор.

Георгий Карлович Вагнер – один из выдающихся ученых-искусствоведов, историков и археологов советского периода; специалист по культовой архитектуре Древней Руси. Занимался научно-исследовательской, реставрационной работами. В 30-е года выступал в защиту храма Христа Спасителя, а также за сохранение других православных памятников Москвы, против сноса Тверской часовни, Сухаревской башни, Красных ворот, за что был дважды осужден и отправлен в ссылки на Колыму (с 1937 по 1947 год) и в Красноярск (с 1949 по 1955 год).

После реабилитации Г.К. Вагнер продолжал до своей кончины заниматься изучением истории религии и реставрацией памятников древнерусского искусства. Научная деятельность Г.К. Вагнера получила высокую оценку – его труды переведены на многие европейские языки, ученый награжден золотой медалью Академии художеств СССР, получил Государственную премию СССР. Несмотря на это, существует значительный пробел в изучении научно-исследовательской деятельности Г.К. Вагнера, его участия в археологических экспедициях и реставрационных мероприятиях.

Объектом исследования является традиция изучения средневековой религиозной культуры, в частности культовой архитектуры.

Предметом исследования является научно-творческое наследие Г.К. Вагнера.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду с начала XIX – конец XX века, как начала формирования (оформления) основных школ изучения средневековой культовой архитектуры, и вместе с тем жизненного и творческого пути Г.К. Вагнера.

Научная новизна исследования состоит в попытке скомпилировать разрозненные заметки, статьи, в том числе, некрологи в единое комплексное исследование, что станет дополнением к уже существующему информативному сборнику статей, посвященному Г.К. Вагнеру. Данная работа дает представление о Г.К. Вагнере не только как методологе, исследователе религиозной средневековой культуры, но и как о мыслителе.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в попытке продемонстрировать не только искусствоведческий и археологический характер трудов ученого, посвященных преимущественно изучению культовой средневековой архитектуры, но и выявить религиоведческую направленность работ, раскрывающих научную деятельность Г.К. Вагнера, в

том числе как исследователя целого пласта средневековой религиозной культуры.

Задачи:

1) проанализировать традиции изучения средневековой культовой архитектуры в зарубежной историографии;

2) выявить основные традиции в изучении средневековой культовой архитектуры в отечественной истории;

3) дать краткую характеристику состоянию исторической эпохи и положению гуманитарных дисциплин, в частности исторической науки в период начала XIX – конец XX веков;

4) рассмотреть основные этапы жизни и научно-исследовательской деятельности Г.К. Вагнера;

5) проанализировать работы Г.К. Вагнера, отражающие формирование исследовательского мировоззрения ученого;

6) проследить возможность соотнести научное наследие Г.К. Вагнера с традициями отечественного и/или зарубежного религиоведения.

Для решения поставленных задач были применены следующие ***методы исследования:***

1) *культурно-типологический метод*, заключающийся в выявлении характерных приемов, используемых Г.К. Вагнером в исследовательской деятельности.

2) *сравнительно-исторический метод*, предполагающий исследование и выявление общего и особенного, лежащего в основе традиций изучения средневековой культовой архитектуры в Западной Европе и в России.

3) *биографический метод* - анализ жизни и деятельности исследователя для последующего составления интеллектуальной биографии Г.К. Вагнера.

Цель и задачи работы определили структуру выпускной квалификационной работы. Данная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на два параграфа, заключения и списка использованной литературы.

Первая глава, ***«История изучения средневековой культовой архитектуры»***, посвящена рассмотрению историографии проблематики. Особую роль в нашем исследовании занимает анализ истории изучения средневековой культовой архитектуры. В первом и втором параграфах нами были исследованы главным образом западноевропейская и отечественная традиции изучения культовой архитектуры, основная методология. Была проведена попытка сравнительного анализа традиций, для выявления общего и частного в изучении средневековой культовой архитектуры. Во втором параграфе уделяется внимание состоянию и положению исторической науки в России в период начала XIX – конец XX веков;

Вторая глава, ***«Интеллектуальная биография Г.К. Вагнера как исследователя религиозной средневековой культуры»***, посвящена рассмотрению научно-исследовательского и творческого наследия Г.К. Вагнера, его вклад в развитие науки о религии в отечественной традиции. Первый параграф посвящен основным этапам жизни и деятельности ученого. Рассматривается начало трудовой деятельности и научной карьеры Георгия Карловича Вагнера с должности музейного сотрудника в Картинной галерее Рязанского музея, где будущий ученый занимался инвентаризацией литографий и гравюр. А так же последующие этапы работы в качестве экскурсовода и преподавателя истории искусства в родном техникуме. Второй параграф акцентирован на формировании исследовательского мировоззрения, нашедшее отражение в трудах Г.К. Вагнера, особое внимание

уделялось предшествующим традициям изучения средневековой религиозной культуры, к которым можно было бы отнести сферу интересов ученого.

Для решения поставленных задач будут рассматриваться наиболее значимые для нас **труды Георгия Карловича Вагнера**: «Искусство Древней Руси» (1993), «Византийский храм как образ мира» (1986), «Искусство мыслить в камне. Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры» (1990), «Тысячелетние корни» (1990) и так далее. Не смотря на то, что Г.К. Вагнер имеет степень доктора искусствоведческих наук, в большинстве своих работ ученый рассматривается именно средневековая религиозная культура в целом.

Особенное внимание в работе уделяется **автобиографии** Г.К. Вагнера «Из глубины вызываю...(De profundis)» (2004). Это один из уникальных случаев, который наравне с письмами помогает исследователю фактически от «первого лица» проанализировать некоторые аспекты жизни и творческого пути автора. В данной автобиографии, которая представляет собой некое воспоминание автором этапов своей жизни, рассказывается не только о детстве и выборе жизненного пути в качестве историка религии, но и тех идеях и конкретных личностях, которые оказали на автора наибольшее влияние, а так же о нелегкой судьбе ссыльного. Все вышеуказанное является важным источником для дальнейшего анализа работ Г.К. Вагнера.

Степень научной разработанности проблемы - в выпускной квалификационной работе мы опирались не только на источники, но и на исследования разного рода.

Историографии проблематики относительно традиций изучения западноевропейской средневековой культовой архитектуры, посвящен ряд статей исследователей: **О.В. Субботиной** «Анри Фосийон. К вопросу о формальном методе во французском искусствознании» (2008), «Основные

тенденции французской медиевистики второй половины XX века или прикладная историография (2008), **И.И. Орлова** «Краткий анализ зарубежной историографии готического искусства» (2008), «Проблемы целостного подхода к историографии культовой готики. Тенденции общего развития медиевистики»; **С.С. Ванеяна** «Архитектура и иконография (проблемы классических методов истории искусства)» (2007), **О.В. Морозовой** «Методологический анализ структуры иконографического и иконологического методов в историко-архитектурном исследовании» (2011) и так далее.

Историографии отечественной традиции изучения средневековой культовой архитектуры и культуры посвящены работы и статьи **Е.Ю. Орловой** ««Русский стиль» в архитектуре и национальной культуре России (XVI-XX вв)» (2009), **Л.А. Беляева** «Христианские древности: Введение в сравнительное изучение» (2000), **С.А. Жебелева** «Введение в археологию: история археологического знания» (1923), **А.П. Раппопорта** «Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения» (2013) и так далее.

Состоянию положения исторической науки и науки о религии посвящены статьи и труды **И.Л. Кызласовой** «История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920-1930-е годы: По материалам архивов» (2000), **О.Л. Вайнштейна** «История советской медиевистики (1917-1966)» (1968), **А.Н. Формозова** «Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки» (2006), **М.М. Шахнович** «Культурная революция в СССР и наука о религии» (2016).

Самым объемным трудом, посвященным памяти Георгия Карловича Вагнера, на данный момент является сборник статей - «**Ученый, художник, человек**» (2006) под редакцией **М.А. Некрасовой**, одной из учениц исследователя. Сборник делится на три раздела: первая часть посвящена научно-творческой биографии Г.К. Вагнера. Вторая часть

посвящена статьям и очеркам воспоминаний друзей и коллег. Третья часть посвящена продолжению дел и традиций ученого - статьи по вопросам средневековой культовой архитектуры.

Существует ряд статей, посвященных наследию Г.К. Вагнера, его методологии.

В.В. Проценко «Храм как социокультурный феномен» (1999), отмечает, Г.К. Вагнеру принадлежит заслуга выделения в феномене православного храма мировоззренческих уровней. Кроме того, «ученый одним из первых в отечественной науке прослеживает зависимость храмовой архитектуры от мировоззрения и тем самым доказывает не случайность формулы «храм – образ мира».

С. Шмидт «Памятники письменности в культуре познания истории России» (2008), уделяет внимание трудам и Г.К. Вагнера как выдающегося исследователя древнерусской культуры, не только усилившего интерес к изучению данного периода, но и проследившего в своих трудах влияние менталитета, особого мировоззрения, многих слоев общества на архитектуру. Так же, по мнению автора, Г.К. Вагнер сделал попытку осмыслить древнерусское зодчество через призму западноевропейской средневековой религиозной культуры.

М.К. Павлович в своей статье **«Г.К. Вагнер и Ростов Великий» (2009)**, делает акцент именно на данной деятельности ученого. Обращаясь к архиву Г.К. Вагнера, к его личным письмам.

Практическая значимость исследования

В дальнейшем исследование может послужить основой для изучения интеллектуальной истории и науки о религии в России.

Апробация работы

Данное исследование прошло апробацию на следующих конференциях: II Студенческие Маторинские чтения по современным проблемам религиоведения и философии религии, г. Санкт-Петербург, 2017 г; III Студенческие Маторинские чтения по современным проблемам религиоведения и философии религии, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

Положения, выносимые на защиту:

1. Существуют сходство и различие в традиции изучения средневековой культовой архитектуры в отечественной и западной науке. Тем не менее, можно выделить две доминирующие школы, присущие как западноевропейской, так и отечественной традиции – формалистическая и символическая школы.

2. Существовало два противоположных взгляда на ценность древнерусской культовой архитектуры в России. В XIX веке данная архитектура рассматривалась как достояние общемировой культуры, изучение христианских древностей было плодотворным объектом исследования. В начале XX века, в советский период, после победы Октябрьской революции 1917 года, на первый план в исторической науке вышло изучение трех революций, наследие классиков марксизма-ленинизма, а изучение религиозного искусства считалось неугодным, неким признаком национализма.

3. Г.К. Вагнер относится к символической школе в традиции изучения культовой архитектуры, для которой было характерно изучение храма как отражения идеи, «мысли в камне», а уже потом – его функционального предназначения.

4. В последние год жизни Г.К. Вагнера влияние идей русской философии нашло свое отражение в научных трудах ученого и сформировало его мировоззренческий подход в осмыслении русской средневековой культовой архитектуры.

Глава 1. История изучения средневековой культовой архитектуры

1.1. Западноевропейская традиция изучения средневековой культовой архитектуры: историография проблематики

Изучение средневековой культовой архитектуры, как особого вида искусства и части огромного пласта средневековой религиозной культуры было взято на рассмотрение в виду того, что во все времена она является неким «лицом» той или иной эпохи, выражением общественных настроений и мыслей. Для средневековой эпохи господствующей силой была церковь. Человек не мыслил себя вне данного социального института, вне религии как таковой, в результате чего все сферы жизни подчинялись определенным формам. Данные умонастроения не обошли стороной и сферу искусства.

Если обратиться к историографии вопроса, некоторые исследователи, такие как И.И. Орлов ¹ и О.В. Субботина², отмечают, что основные медиевистские штудии конца XIX – середины XX века базировались в Германии и Франции. Именно в данных штудиях сформировалось несколько основных школ и/или методов изучения средневековой культовой архитектуры, которые впоследствии были заимствованы и по-своему адаптированы другими странами.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей данных школ и подходов с присущей им методологией, стоит прояснить некоторые аспекты. С точки зрения искусства как такового, архитектура, особенно культовая,

¹ Орлов И.И. Проблемы целостного подхода к историографии культовой готики. Тенденции общего развития медиевистики. // Наука и мир. Международный научный журнал. – В.: Научное обозрение, 2013. № 2 (2). – С. 172-173.

² Субботина О.В. Основные тенденции французской медиевистики второй половины XX века или прикладная историография // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. – СПб.:, 2008. – № 31(69). – С. 295.

может выполнять несколько функций, но самые главные, которые важны для нашего исследования:

- *во-первых*, функционалистическая или рациональная функция, что выражается, прежде всего, в ее практическом и инженерном решении. Во времена господства романского стиля в западной Европе, храмы и соборы служили не только местом связи с богом, но так же и оборонительной крепостью, в результате чего они строились в первую очередь на возвышениях или в местах, где можно было вырыть ров.

- *во-вторых*, выполнять духовную или символическую функцию. В более позднее время, когда сформировался готический стиль, культовая архитектура представляла собой уже набор символов, который можно было истолковать по-разному. Тем не менее, эти символы всегда имели аллегорические послания. Храм мыслился как модель чего-то лучшего, чего-то совершенно другого, более возвышенного и не имеющего отношения к миру земному. Нельзя игнорировать тот факт, что особое мнение, особый взгляд касательно значения и смысловой нагрузки культовой архитектуры в средневековую эпоху, принадлежало богословам. По их мнению, культовая архитектура должна являться «книгой для неграмотных»: внешнее и внутреннее убранство храма, обилие скульптур, должно было всячески визуальным образом воздействовать на сознание человека, заставить задумываться о том, что ждет его за совершение дел благих и дел неправедных.

Исходя из представленных выше определений, первой на рассмотрение была взята формальная школа. Данная школа сформировалась в Германии, в конце XIX века, и являлась А. Гильдебранда, А. Ригля, Г. Вельфлина.

Формальная школа основывалась в первую очередь на том, что главным в искусстве, в частности в средневековой культовой архитектуре является ее форма. Исследователи обращали внимание на рациональность

средневекового зодчего, для которого важно было уметь рисовать и математически мыслить.

Впоследствии формальная школа подвергалась большой критике, так как «умалила» эстетический аспект собора.

Во Франции общая картина медиевистики была более разнообразной. Как отмечает исследователь А.В. Субботина, современная французская медиевистика больше всего привержена формальной школе и ее особой методологии, основу которой заложил Анри Фосийон.³ Формальная школа А. Фосийона сформировалась благодаря пересечению немецкой школы формализма, берущей свое начало в XIX веке и французской позитивистской школы, представителями которой были широко известный Виолле-ле-Дюк, а так же И. Тэн, И. Фор.⁴

Отдельно стоит выделить фигуру французского исследователя Виолле-ле-Дюк, который придерживался рационального подхода по причине того, что сам лично занимался реставрацией храмов, а так же стал известным благодаря тому, что создал химер для Собора Парижской Богоматери. Именно в процессе создания скульптур, Виолле-ле-Дюк обратил внимание на рациональность средневекового зодчего. В России Виолле-ле-Дюк так же получил известность благодаря своей работе «Русское искусство», в которой затрагивал проблему генезиса русского стиля, усматривая в нем особую самобытность.

Так же исследователь активно в своих работах отстаивал позицию, согласно которой, каждый исследователь архитектуры обязан опираться в

³ Субботина О.В. Анри Фосийон. К вопросу о формальном методе во французском искусствознании // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2008. - № 31(69). - С. 291.

⁴ Субботина О.В. Основные тенденции французской медиевистики второй половины XX века или прикладная историография // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2008. - № 31(69). - С. 292.

своих суждениях на факты, заниматься прикладными вещами, например, раскопками или реставрацией.⁵ Виолле-ле-Дюку было важно отводить место практике в изучении средневековой архитектуры, нежели бесконечно ссылаться на мнения исследователей, которые часто бывают достаточно поверхностны и слишком философскими, отвлеченными. За этими высказываниями всегда следовала незамедлительная критика со стороны других исследователей, которые обвиняли Виолле-ле-Дюка в том, что он видит в архитектуре лишь форму и инженерные решения, в то время как готические храмы всегда имеют и смысловое наполнение, религиозное, которое исследователем всегда ставится на последний план.

Во второй половине XX века во Франции происходит сближение искусствознания с социологией, образуя тем самым такую междисциплинарную науку, как социология искусствознания. Основателем данного направления считается Пьер Франкастель. Благодаря социологии искусствознания в медиевистике появляются такие понятия как: заказчик, исполнитель, социальный статус, пропаганда в сфере искусства и тому подобное. Фактически происходит атрибуция культовой архитектуры, которой в немецкой формальной школе не придавалось особого значения.

В 80-90-х годах XX века во Франции, происходит обновление методологии и в целом намечается новый подход в искусствознании. Во многом это связано с набирающим обороты вниманием к междисциплинарным исследованиям, которые могли обеспечить широкие перспективы гуманитарным наукам.

Большой вклад в развитие междисциплинарных исследований внесли представители французской школы «Анналов»⁶. Школа «Анналов» ввела в

⁵ Ле Люк, В. Беседы об архитектуре. Т. 1. – М.: Издательство всесоюзной академии архитектуры, 1937. – С.371.

⁶ Школа «Анналов» - интеллектуальное движение, основанное в XX веке во Франции, историками М. Блоком и Л. Февром.

оборот свою собственную методологию, которая стала «новой исторической наукой», основывалась на исторической психологии и анти рационализме. Главным стало рассмотрение не исторических событий в целом, как это было принято в исторической науке, а рассмотрение и анализ прежде всего менталитета отдельно взятого человека. По мнению представителей данной школы, только так можно было бы в полной мере реконструировать не только огромные пласты исторических событий, но такие сферы жизни человека как культура, искусство, быт и т.д. Можно полагать, что в какой-то степени наука стояла на стыке истории и психологии.

Большое внимание было обращено на работу Жорж Дюби «Время соборов. Искусство и общество 980-1420 годов». В своем труде Ж. Дюби отмечал, что в представлении средневекового человека архитектура в полной мере могла выразить и отразить принципы устройства Вселенной. Здание церкви символизировало и Божественный порядок арифметическими соотношениями, связывающими между собой все элементы. Помимо активного строительства церквей, так же большое распространение получила скульптура. Скульптуры помещались как внутри храма, так и снаружи: скульптуры внутри храма часто были в виде Мадонны или самого Христа, а изнутри – горгульи или разного рода фантастические существа. В этом выражался свойственный менталитету средневекового человека дуализм: с одной стороны церковь является телом Христовым, а с другой стороны – в представлении монахов церковь не может являться абсолютным убежищем, и данные фигуры олицетворяли «злые силы» в этом мире, с которыми надлежало бороться. В отличие от обильно украшенных церквей в Западной Европе, на Востоке византийские храмы так же считались обителей Бога, но здесь скульптура не получила свое распространение, а большое внимание уделялось только лишь внутреннему убранству – фрескам и иконам. Как отмечает Ж. Дюби, иконография на Западе не прижилась по той причине, что при написании икон использовались дорогостоящие материалы. Большое

влияние иконография оказала на Италию, где началась активная роспись крестов в храмах и соборах. Данный феномен автор объясняет тем, что Италия была потрясена проповедями святого Франциска, который рассказывал о том, что однажды увидел обращенное к нему лицо Христа распятого на кресте, который сказал Франциску наиболее доступным способом рассказывать людям об искупительной жертве Христа. Вследствие чего мастера начали часто изображать не только страдания Христа, но и изображать по разные стороны креста два других сюжета: положение во гроб и снятие с креста. Тем не менее, живопись оставалась все же второстепенным искусством.

Несмотря на то, что в средневековую эпоху церковь оказывала огромное влияние на сознание людей, а строительство культовой архитектуры приравнивалось к интеллектуальной деятельности, Ж.Дюби не может не признать тот факт, что и низшие слои населения оказывали свое влияние на «интеллектуальную среду», художников и в первую очередь скульпторов, в результате чего искусство так же зависело и от чаяний простых людей. Ведь культовая архитектура была умонастроением общественности. «Признаем же, что архитектура и изобразительное искусство XI века, как музыка и литургия, были неким способом инициации». Архитектор и его творения даже в эпоху позднего средневековья оставались в непосредственной зависимости от заказчиков, в виду того, что архитектура была выражением общественного настроения, духом эпохи.

Другой, принципиально новой школой, изучающей средневековую культовую архитектуру, является символическая или духовная школа. Символическая школа была ответом на немецкий и частично французский формализм, ставящий своей целью изучение культовой архитектуры с точки зрения ее технического и структурного предназначения.

В научной литературе данный метод принято называть так же «иконологическим/иконографическим». Теоретическая база иконологического/иконографического метода была заложена такими исследователями, как Э. Маль, А. Варбург, Э. Панофский, Э. Гомбрих. В рамках данного исследования были сформулированы методологические основания интерпретационного подхода к объекту искусства, который в свое время значительно расширил методологические границы истории искусства.

Иконография и иконология являются фактическими синонимичными понятиями в традиции изучения средневековой культовой архитектуры, однако стоит объяснить их происхождение и смысловую нагрузку. Как отмечает исследовательница О.В. Морозова, изначально термин «иконография» имел достаточно узкое значение, и под ним понималось исключительно: *«...портретные изображения, связанные с определением личностей, присутствующих на монетах, печатях и геммах».*⁷

Начиная с середины XIX века, значение данного термина существенно расширилось и под иконографией стали понимать метод изучения средневекового искусства, интерпретация различной символики, его аллегорий и атрибутов. Корни иконографического метода, по мнению многих исследователей, уходят во Францию и частично в Бельгию. Причину этого видят в том факте, что в данных странах

Переходя к вопросу содержания понятий, нужно отметить, что у представителей иконографического метода были свои определения и взгляды. Для Э. Гомбриха суть иконографического метода заключалась в первую очередь в определении текста, иллюстрацией к которому является изучаемое изображение. Можно отметить, что определение понятия Э. Гомбрихом является наиболее простым. Иначе ситуация обстоит с

⁷ Морозова О.В. Методологический анализ структуры иконографического и иконологического методов в историко-архитектурном исследовании. // Вестник ТГАСУ. - Н., 2011 (№4). – С. 39.

определением иконографического метода у Э. Панофского. Для ученого существует два определения: одно можно понимать в широком смысле, как толкование символических значений, такие значения не всегда вполне осознаются самим зодчим или художником. Другое определение можно понимать в узком смысле – как толкование образов и сюжетов. Значение в узком смысле восходит, собственно, к самому раннему истолкованию понятия «икконография». Расширенную версию иконографии стали именовать «икконологией».⁸ В своих фундаментальных работах «Готическая архитектура и схоластика», «Этюды по иконологии», излагается основная мысль, которая проходит красной нитью через все творчество ученого, а именно – необходимость сопоставления средневековой культовой архитектуры и философии, что, по мнению многих исследователей, может говорить фактически о возможности сближения искусствознания с историей общества.⁹

Методология иконографии вытекала из специфики предмета исследования, в качестве которого выступали канонические иконографические схемы, занимающие значительное место в церковном искусстве. Этапы развития иконографического и иконологического методов совпадают с развитием ряда влиятельных европейских искусствоведческих школ (Венская – Вигроф, Дворжек, Титце, Зельмайр; формальная – Вельфлин, Ригль; иконологическая – Варбург, Заксль, Панофский и др.). В России XIX в. в рамках иконографической методологии исследовались византийское и древнерусское искусство, в основном иконопись (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов, Н.П. Лихачев).

⁸ См. там же.

⁹ Саetzянова, Г.Д. Средневековые изображения в исследовательском поле французских историков XX-XXI веков. // Преподаватель XXI века. – М., № 2, 2015. – С.299.

Сторонники иконологического подхода считали, что всякий архитектурный код есть проявление определенной идеологии, органичной частью которого он является во время ее становления и расцвета. Все аллегорические послания могут быть прочтены по-разному, и разный смысл может скрываться за каждым из них. В данном случае храм понимался как модель чего-то другого, чего-то лучшего, это всегда умонастроение эпохи.

Подводя итог, можно отметить ряд существенных моментов. Западноевропейская традиция изучения культовой архитектуры в период конца XIX середины XX века, была представлена двумя наиболее яркими школами – формальной (рационалистической) и символической (духовной). Обе школы изучали преимущественно романский и готический стиль в искусстве. Представители первой школы уделяли внимание инженерным решениям средневековых зодчих, представители второй школы видели сущность романского, а затем и готического стиля исключительно в области духовного. Примечательно, что данные школы не сосуществовали, а скорее конфликтовали между собой. Особый вклад в развитие медиевистики внесла Школа «Анналов», которая разработала новую методологию, позволившую еще более подробно и разнопланово изучать средневековую культовую архитектуру. Междисциплинарные методы фактически стали неким компромиссом между двумя противоположными школами, и с течением времени все меньше исследователей четко разграничивали эти подходы.

1.2. Отечественная традиция изучения средневековой культовой архитектуры: историография проблематики

XIX век можно назвать «золотым веком» исторической науки в России. В этот период наблюдается переход исторической науки от идеи изучения человечества в целом, к идеи национального исторического развития. Большой шаг был сделан в переосмыслении русского прошлого, что было связано в первую очередь с общим подъемом русского национального самосознания. Данный период можно охарактеризовать появлением первой «профессиональной» истории Н.М. Карамзина. По мнению многих исследователей, связано это было с подъемом патриотизма, следовавшим за войной 1812 года. Споры и дискуссии современников об историческом труде Карамзина «История государства Российского» несомненно, имели место, однако, это было первое, по-настоящему систематизированное изложение российской истории с древнейших времен. Вторая половина 19 века – появление 29 томов «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева – не только яркий памятник государственной концепции трактования истории, но и вершина исторической мысли западников.

Следующим шагом в развитии исторической науки был сделан В.О. Ключевским в «Курсе русской истории». Основываясь на своем социологическом методе, В.О. Ключевский дает целостное изложение русской истории, с одной стороны завершая традицию XIX века, и с другой стороны – предвосхищая идеи, которые нес XX век. Например, даже в русской литературе исторические факты нашли свое отражение в художественном воплощении – произведения И.И. Лажечникова («Ледяной дом»), Н.В. Гоголя («Тарас Бульба»), А. С. Пушкина («Капитанская дочка», «История пугачевского бунта») и т.д.

С начала XX века в русской историографии утверждается идеи марксизма, историческая наука становится частью общественно-политической жизни страны. Наиболее известным историком-марксистом был М.Н. Покровский («Русская история с древнейших времен»).

После Октябрьской революции 1917 года и по мере становления тоталитарного политического режима, историческая наука оказалась в сложном положении. Наука отныне стала инструментом политики и идеологической обработки народа. Отечественная историческая наука была изолирована от общемировой, труды зарубежных историков практически не были доступны советским ученым. После революции многие ученые эмигрировали из России, в 1922 году около трехсот представителей интеллигенции, в том числе, и историков, были высланы из страны. А в начале 30-х годов XX века среди историков и археологов была проведена чистка, в результате которой многие были репрессированы, например, академики С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, Е. В. Тарле и многие другие.¹⁰

Несмотря на общеизложенное состояние гуманитарного знания в целом и исторической науки в частности, особое место в нашем исследовании занимает вопрос традиции изучения средневековой религиозной культуры, и особенно культовой архитектуры. В Западной Европе, в частности во Франции, Германии и Англии, существовала традиция анализа средневековой архитектуры посредством изучения церковных древностей – археологические раскопки, реконструкция культовых зданий и другие реставрационные работы. Как отмечает в своей работе Л.А. Беляев, в России изучением церковных древностей активно начали заниматься после указа Петра I, от 13 февраля 1718 года, о собирании древностей для Кунсткамеры.¹¹

¹⁰ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. С. 4.

¹¹ Беляев, Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение / Л. А. Беляев. - СПб. : Алетея, 2000. – С. 410.

Данный указ стал важной вехой становления в России археологии и охраны памятников. При содействии Петра I закончили начатую еще в XVII в. реставрацию Софии Киевской. Крупный государственный деятель и историк В. Н. Татищев составил в 1739 г. специальную инструкцию для исследования древностей, значительно опередившую своё время. Им же был начат «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», включавший много сведений о памятниках церковной старины.

По мнению многих исследователей, большее проявление интереса к церковным древностям было связано с патриотическим подъемом, следовавшим за Отечественной войной 1812 года, и выходом в свет первых томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Так же решающим толчком к исследованию церковных древностей Руси стала работа по созданию: *«национального» архитектурного стиля и связанное с ней постепенное открытие русского средневекового зодчества*¹². Среди вопросов, занимающих историю древнерусской архитектуры, вопрос о степени византийского влияния, роли греческих зодчих в сложении монументального зодчества, занимает важное место. Длительное время он привлекал внимание исследователей, мнения которых разделялись согласно двум противоположным концепциям: одни исследователи полагали, что древнерусская архитектура испытала огромное влияние Византии, являясь ее прямой «наследницей», другие ученые утверждали, что сама Византия подвергалась трансформации со стороны Востока, но имеет свои отличительные черты, так и древнерусское зодчество – обладает самобытностью. Учеными до сих пор выясняется степень рецепции Византии на древнерусское искусство, в частности, на архитектуру.

¹² Беляев, Л. А. См. там же. С. 412.

Взгляд на древнерусское искусство формировался вокруг споров: является ли искусство Древней Руси, а частности, культовая архитектура самобытной или она полностью представляет собой рецепцию Византии и в целом – Востока.

Огромный резонанс на данную острую тему в научном сообществе вызвал труд французского историка и архитектора Виолле-ле-Дюка «Русское искусство». Ученый полагал, что на искусство Древней Руси оказало влияние византийское искусство, но оно так же формировалось под влиянием Востока – преимущественно Ирана и Индии, что дает основание полагать, что в древнерусском искусстве нашли свое отражение восточные мотивы. Однако, Виолле-ле-Дюк не оспаривал факт наличия в древнерусском искусстве своих отличительных, славянских черт. Многие культовые сооружения даже виделись ему шедеврами не только древнерусского зодчества, но и мировой архитектуры. Мнения русских ученых по поводу книги разошлись. Например, фольклорист Ф.И. Буслаев считал, что помимо византийского влияния, но никак не индийского, можно проследить черты влияния северного искусства, в частности скандинавского. Л. В. Даль наоборот – дал положительную оценку за счет функционального и конструктивного анализа.

Однако, не смотря на интерес к архитектурной археологии, изучение происходило в основном на материале письменных источников – археология воспринималась как часть географии и истории искусствоведения. В конце XIX века появляется движение/направление *«художественных путешественников»*¹³, в котором принимали участие художники-краеведы, чьей основной задачей было путешествие по России, фиксация внешнего облика церковных сооружений, с мельчайшей прорисовкой деталей, с целью дальнейшего визуального сохранения. Особенно, внимание уделялось культовым сооружениям, которые находились в весьма плохом состоянии. В

¹³ Беляев, Л. А. См. там же. С. 419.

противовес данному движению выступает жанр *«монографического церковно-археологического очерка»*¹⁴. Очерк, как правило, был посвящен одному объекту, а в распоряжение автора входили имеющиеся материалы – начиная от письменных документов, заканчивая фотографиями произведений искусства. Однако, авторы данных очерков ориентировались прежде всего на архитектурные стили и/или декор того или иного культового здания. В виду чего, существенной перспективы для изучения археологических древностей церковно-археологические очерки не представляли.

Изучение памятников древнерусского искусства первое время было напрямую связано с практическими нуждами и проводилось почти исключительно в процессе ремонта и перестроек старых храмов и соборов. Однако, ценность памятников древнерусского зодчества, именно как историко-культурного явления, вне зависимости от их прямого назначения, стало набирать обороты и все больше привлекать внимание научного сообщества.

Важно отметить, что первым из отечественных историков, кто уделял большое внимание археологическим памятникам, был М.П. Погодин. Именно М.П. Погодин выступал с заявлениями о необходимости создания провинциальных музеев, о важности создания и составления археологических карт и призывал к сохранению и восстановлению древних памятников с поддержкой со стороны государства.

В последние десятилетия XIX века и в начале XX века поворотным моментом в изучении архитектурных древностей становится работы, связанные с именами ученых И.Е. Забелина, В.В. Стасова, Ф.И. Буслаева и его ученика Н.П. Кондакова. Произошло заметное повышение научного уровня исследований, и фактически окончательно оформилась отдельная, самостоятельная дисциплина получившая название *художественная*

¹⁴ Беляев, Л. А. См. там же. С. 427.

медиевистика.¹⁵ Труды этих ученых стали огромным источником для последующих поколений об архитектуре, иконах, фресках Древней Руси.¹⁶ Многие исследователи особенно отмечают доклад И.Е. Забелина «Черты самобытности в древнерусском зодчестве», в котором ученый изложил мысль о том, что многие каменные шатровые церкви являются деревянными прототипами, в связи с чем, можно говорить о том, что в Древней Руси существовали свои самостоятельные архитектурные школы, и византийские мотивы не повторялись до бесконечности.¹⁷

Наметился еще один виток в изучении древнерусской архитектуры. Исследователи начали видеть в культовом зодчестве, прежде всего памятники. Например, Ф.И. Буслаева, младшего современника М.П. Погодина, интересовало в культовом памятнике его содержание, нежели форма и стиль. Однако, в отличие от М.П. Погодина, Ф.И. Буслаев получил основательную подготовку по археологии, в виду того, что ездил за границу, преимущественно в Западную Европу – Германию и Францию - заниматься изучением памятников классического искусства. Позже вновь совершал ряд поездок за границу для изучения истории искусства. Исследователь С.А. Жебелев в своем труде «Введение в археологию: история археологического знания», отмечает возрастание интереса к культовой архитектуре, как к памятникам. Возможно, причиной тому было, с одной стороны – господствующая на тот период в научных кругах символическая школа, для которой характерно изучения культовой архитектуры с точки зрения ее смысловой нагрузки. С другой стороны – так же в тот период историки и археологи начали производить атрибуцию памятников, установление авторского почерка мастеров, что неотрывно было связано с изучением

¹⁵ Кызласова, И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920-1930-е годы: По материалам архивов. – М.: Издательство Академии горных наук, 2000.См. там же. – С. 9.

¹⁶ Формозов С. 73.

¹⁷ См. там же.

памятников письменных.¹⁸ Как в западноевропейской традиции изучения средневековой культовой архитектуры, так и отечественной, особым ответвлением символической школы, особой системой становится иконографический метод – неотъемлемая часть археологических раскопок.

Как отмечает О.Л. Вайнштейн, Н.П. Кондаков пользовался достаточной известностью. Вслед за своим учителем, Н.П. Кондаков развивает «иконаграфический метод», который лежит в основе иконологического метода. Новый подход в изучении памятников искусства, по его мнению, мог служить надежным источником для анализа культурного развития наций и этносов.

Данный метод активно использовался в работах западноевропейских ученых-медиевистов, в частности Э. Панофским, А. Варбургом, Р. Краутхаймером и др. Иконографический метод представляет собой, в самом широком смысле, - истолкование христианских, мифических и аллегорических сюжетов. Так же понимается истолкование символов и форм в вещном законченном облике. Иконографический метод во многом способствовал развитию археологии и в целом оказал влияние на развитие искусствознания. Во многом к изучению древнерусских памятников Н.П. Кондаков пришел через изучение памятников византийских. Например, Г.К. Вагнер полагал, что к проблеме стиля в древнерусской культовой архитектуре следует подходить именно через жанровую проблематику, а не столько через иконографию или иконологию.

Значительной работой Н.П. Кондакова стала «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей», где осуществлена периодизация на определенные этапы развития искусства Византии. Тем не менее, раннехристианские церкви вызывали до середины XIX в. сравнительно слабый интерес. Однако, осознание проблемы

¹⁸ Жебелев С.А. Введение в археологию: история археологического знания. Ч. 1. – П.: Наука и школа, 1923. – С. 176.

византийского, а через него и раннехристианского наследия в русских церковных древностях, достигнутое во многом благодаря трудам Н.П. Кондакова оживили его. Его ученики-эмигранты объединились в так называемый «*Seminarium Kondakovianum*», а его непосредственные ученики – Д.В. Айналов, С.А. Жебелев, Б.В. Фармаковский. Исследователи отмечают, что Н.П. Кондаков был так же одним из первых ученых, кто начал поднимать проблему охраны памятников истории и культуры.

Вскоре развернулась разнообразная научная деятельность такого ученого, как Н. П. Лихачев, чьи труды благодаря строгому методическому подходу, имеют непреходящее значение для церковных древностей. Н.П. Кондаков совместно с Н.П. Лихачевым создали *«теорию влияния»*, согласно которой, итальянское искусство Проторенессанса и Раннего Возрождения оказали значительное влияние на византийское, а вместе с тем и древнерусское искусство.¹⁹ Противоположную точку зрения относительно данной теории высказывал в своих работах ученый П.А. Раппопорт. Будучи исследователем древнерусской культуры и архитектуры более позднего периода, в своих трудах П.А. Раппопорт, отмечает, что Древняя Русь принимала только те «влияния» со стороны других государств, которые соответствовали бы социальному и эстетическому представлению самой Древней Руси.²⁰ Однако, П.А. Раппопорт не отказывается от самого, пусть и достаточно расплывчатого и абстрактного, понятия влияния других культур и традиций на древнерусское искусство в целом, и культовую архитектуру в частности. Он считал, что принятие византийского стиля не было «слепым», а вполне имело логическое объяснение и подчинялось определенным закономерностям.

¹⁹ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики (1917-1966). – Л.: Наука, 1968. - С. 71.

²⁰ Иоаннисян О.М. П.А. Раппопорт: жизнь и творческое кредо ученого.// Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. - С. 17.

Еще одним ученым, привнесшим вклад в изучение археологических древностей, является И. Э. Грабарь и его работа «История русского искусства», которая представляет собой коллективное исследование, посвященное преимущественно средневековому периоду и основанное на экспедициях и изучении церковных древностей – культовых зданий и иконописи.

Следующий не менее выдающийся ученый-византинист – Ф.И. Успенский, чья научно-исследовательская деятельность по изучению политической истории Византии принесла большой вклад в изучение так же и социально-экономических аспектов Византийской Империи. Так же вместе с ученым В.Г. Василевским они работали над постановкой вопроса о роли славян в истории Византии. Благодаря стараниям Ф.И. Успенского при Академии наук была организована Русско-византийская комиссия, куда привлекались ученые-византинисты из Москвы, Одессы, Казани. Однако, после смерти ученого комиссия распалась, что привело на время к значительному упадку византиноведения. Большой вклад в развитие и сохранение византиноведения внесли так же ученые: Д.В. Айналов, Ф.И. Шмит, В.Е. Вальденберг, М.А. Шангина, Н.И. Брунов, В.Н. Лазарев и другие. Подводя итог, О.Л. Вайнштейн пишет о том, что, несмотря на разного рода «упадки» византиноведения, данное направление в разделе советской медиевистики продолжало существовать и развиваться.

Однако, трагические события 1910-20х годов, привели к обмирщению научного знания. Как отмечает исследователь И.Л. Кызласова, в результате военных и политических катастроф, прервалось развитие русской художественной медиевистики в частности, и отечественной истории в целом. Подавляющее большинство историков искусства, археологов и других гуманитариев, чья профессиональная деятельность зачастую невозможна без изучения памятников на местах: музейных и иных собраний, в 1917-1925 годах и позднее были почти лишены возможности передвигаться

в пределах России. Это составляло разительный контраст по сравнению с предшествующим периодом и не могло не стать одной из причин «общей апатии». Изолированность от мировой науки выражалась теперь и в не систематичности поступления в крупнейшие научные учреждения России новой литературы.

Так же крайне негативное значение в истории науки являло собой резкое снижение возможности издания научных трудов. Последствия революции, «советского периода» с жесткой пропагандой атеизма последующие репрессии, повлекли за собой массовое разрушение храмов, расхищение или полное уничтожение церковных древностей, а самое главное – гибель выдающихся ученых. Многие специалисты покинули страну, другие прекращали свои исследования в области архитектурной археологии. Некоторые ученые получили возможность заниматься исследованиями, но чисто археологическими и не имеющими отношения к изучению церковного искусства. Как итог – произошел разрыв с научной традицией, была на долгое время утрачена возможность герменевтического подхода к изучению культовых памятников. В сохранении дореволюционных традиций искусствоведения Византии большую роль сыграли, учившиеся у лучших представителей «старой» академической науки Н. И. Брунов и В. Н. Лазарев, чьи капитальные труды, сохраняют значение и по сей день.

Археологические раскопки памятников русского зодчества получили широкое распространение только после Великой Отечественной войны²¹, когда многие исследователи вернулись из ссылки, и в стране воцарилась более спокойная академическая атмосфера. В связи с этим можно сказать, что раскопки памятников древнерусского зодчества являлись относительно молодым и только набирающим обороты разделом историко-архитектурной науки. На первых порах оформления данного раздела методология

²¹ Раппопорт П.А. О методике изучения древнерусского зодчества.// Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. — С. 49.

исследований была очень слабо разработана. В большинстве своем архитектурно-археологические раскопки проводились по своей старой методике, что усугубляло состояние культовой архитектуры в виду того, что не учитывались многие аспекты. Порой это все приводило к потере значимой информации, зачастую совсем без возможности какого-либо восстановления – архитектурные памятники разрушались в процессе раскопок. Огромный рывок совершила археология храмов периода домонгольской Руси, а именно – раскопки Н. Н. Воронина во Владимиро-Суздальских городах, позднее П. А. Раппопорта в Смоленске и Г. М. Штендера в Новгороде - вывели исследования древнерусского зодчества на гораздо более высокий уровень информативности. Как отмечает исследователь П.А. Раппопорт, в зависимости от состояния изучаемого памятника, должны были применяться особые методы, такие как обследование кладок, детальный обмер, зондажи и многое другое. В целом можно наблюдать изменение методологии в традиции изучения средневековой культовой архитектуры в России. Если раньше использовали только устоявшиеся и «классические» методы и подходы, которые имели пусть и важный, но скорее теоретический и описательный характер, то постепенно с развитием археологических раскопок и экспедиций, встал вопрос о комплексном и прикладном подходе к изучению памятников древнерусского зодчества, каковым являлась культовая архитектура. Еще одной важной заслугой археологов является применение исторического подхода к изучению культовой архитектуры. Отныне архитектура Древней Руси стала рассматриваться как неотъемлемая часть культуры, наряду с такими аспектами как политическая и социально-экономическая история Руси. Каждый изучаемый древнерусский памятник стал полноценным источником.

Как отмечает Л.А. Беляев, одним из важных показателей в изучении христианских древностей Руси, которое требовало междисциплинарного подхода, стало возникновение «внегосударственных объединений ученых».

Данные объединения состояли в основном из археологов, историков и искусствоведов. Целью объединений было в первую очередь проведение независимых конференций, организация выставок, издание разного рода материалов по иконографии и источниковедению.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что события октября 1917 г. в России, вызванная ими гражданская война и провозглашенные новой властью политические и идеологические установки прервали естественное развитие русской гуманитарной науки в целом, в том числе и в истории изучения византийского и древнерусского художественного наследия. Само это наследие было подвергнуто ложной, чисто идеологической дискриминации и последовательному уничтожению. Эту судьбу в той или иной мере разделили почти все, кто занимался его изучением и сохранением. Первые годы после октября 1917 г. были во многом потеряны для науки. Исключение составил процесс пополнения фондов музеев и быстрый рост их числа.

Подводя итоги первой главы, нужно отметить, что традиция изучения культовой средневековой архитектуры, так на Западе, так и в России имеет ряд схожих и отличительных черт. Общим для обеих традиций является изучение культовой архитектуры как памятника исторической эпохи. Можно говорить о наличии доминирующих школ, которые существовали как в России, так и в Западной Европе. Это, прежде всего, формальная и символическая школы. Представители формальной школы уделяли большое внимание технической конструкции памятников, а представители символической школы – их «духовному» предназначению.

Немаловажным является тот факт, что западноевропейская традиция изучения средневековой культовой архитектуры не прерывалась. В это же время в отечественной традиции, в советский период, были неблагоприятные времена для гуманитарных дисциплин, в целом, для историко-археологических и искусствоведческих, в частности. В результате чего,

рассмотрение и изучение памятников архитектуры было приостановлено, и в целом историческая наука находилась в сильном упадке.

Глава 2. Интеллектуальная биография Г.К. Вагнера как исследователя религиозной средневековой культуры

2.1. Основные этапы жизни и деятельности ученого

Прежде чем перейти к непосредственному анализу интеллектуальной биографии Георгия Карловича Вагнера и рассмотреть наследие ученого в отечественной науке о религии, следует прояснить некоторые аспекты данного исследования.

В настоящее время в научной среде можно наблюдать возросший интерес к интеллектуальной истории. Как отмечают в своей статье исследователи Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков, в исторической науке существует давно устоявшийся стандарт биографического жанра, в котором главный персонаж изучается в контексте своей эпохи.²² Однако, исследователи выделяют в жанре интеллектуальной биографии два основных подхода. Первый подход уделяет внимание психо-эмоциональному состоянию и интеллектуальному опыту изучаемого персонажа, с целью глубокого проникновения в обыденное сознание, что позволяет выйти за рамки биографистики. Второй подход в большей степени ориентирован на изучение взаимодействия изучаемого персонажа и социокультурной среды, воздействие межличностных коммуникаций. Важно отметить, что применение только одного метода, может дать не полную картину интеллектуальной биографии индивида.

Так же исследователи отмечают, что ранее героями данного жанра становились очень известные люди, но наметился поворот — в центр

²² Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 2 (18) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000480-7-1> (дата обращения: 04.02.2018).

внимания ученых стали попадать так же и просто выдающиеся в своей области деятели, возможно, не имеющие огромной известности. Один из ярких представителей французской Школы «Анналов», Жак Ле Гофф, в введении к своей монографии «Людовик IX Святой»²³ подчеркивает, тот факт, что жанр интеллектуальной и/или научной биографии как части интеллектуальной истории в целом, является достаточно сложным. При попытке реконструировать биографию того или иного человека, особенно, если это известная личность, существует ряд сложностей. С одной стороны – за неимением достаточного количества материала, например, личных писем, или других архивных документов, исследователь может «приписывать» свои характеристики, проецировать собственные взгляды, не имеющие реально никакого отношения к изучаемой личности. С другой стороны – даже при наличии большого количества фактического материала, или в случае с Георгием Карловичем Вагнером – наличия достаточно информативной автобиографии и хороших отзывов коллег – так же нужно критически анализировать данную информацию, для того, чтобы составить адекватный портрет ученого, исследуя весь доступный материал.

В связи с этим поворотом, представляется важным изучение интеллектуальной биографии ученых. Таким примером может служить жизнь и деятельность Георгия Карловича Вагнера, ученого известного в узких академических кругах. Однако его большой вклад в развитие науки о религии в России, заслуживает популяризации деятельности ученого.

Георгий Карлович Вагнер родился в Рязанской области, в городе Спасск в 1908 году. Вырос в интеллигентной семье – отец Карл Августович Вагнер – является потомком известного немецкого композитора и мыслителя Рихарда Вагнера, мать – Кира Владимировна Кожина – происходила из семьи дворянского помещика.

²³ Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001. – С. 16.

Впитывая творческую атмосферу, царящую в доме Вагнеров, Г.К. Вагнер с детства любил сочинять стихи и писать красками. Как впоследствии в письмах будет вспоминать ученый: *«Я счастлив своим детством и юностью в Спасске, это дало мне великие нравственные силы пережить 10 лет на Колыме, а потом 5 лет в Сибирской тайге (письмо №5 от 24 декабря 1983 года)»*.²⁴

Не смотря на то, что отец ученого желал для своего сына технического образования, которое было бы более практическим, нежели профессия художника, в 1927 году Г.К. Вагнер поступил в Рязанский художественный техникум. Со временем, во время обучения в художественном училище, будущего ученого перестала интересовать живопись как таковая - Г.К. Вагнера стала увлекать история искусства, которая виделась более интересным занятием и тем, к чему у него по-настоящему было больше возможностей. По окончании первого курса, Г.В. Вагнер поехал в свою первую экспедицию. Г.К. Вагнер был приглашен Рязанский музеем в качестве художника в этнографическую экспедицию, по Рязанской области.

Своим первым «учителем» и той личностью, которая оказала на него наибольшее влияние в самом начале творческого пути, Вагнер называет заведующего Картинной галереей Рязанского музея – Андрея Ильича Фесенко. Именно А.И. Фесенко устроил Г.К. Вагнера практикантом в Картинную галерею, где ученому предстояло познакомиться со всеми тонкостями работы в культурно-общественных организациях. Г.К. Вагнер занимался инвентаризацией литографий и гравюр, а так же вскоре начал сам проводить экскурсии в качестве экскурсовода.

Получив определенный опыт работы в Картинной галерее, Г.К. Вагнер принимает решение поступить в Ленинградский институт истории,

²⁴ Вонсовский, С.В. О Георгии Карловиче Вагнере – Гурлике. Письма Г.К. Вагнера к С.В. Вонсовскому 1980-1993 гг. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. - С. 170.

литературы и искусства, чтобы заполнить пробелы в своих знаниях. В зачислении в данный институт ученому было отказано по причине того, что он окончил художественно-педагогический колледж и прежде должен отработать три года в качестве педагога. В результате чего Г.К. Вагнер возвращается в родную Рязань и становится преподавателем истории искусства в родном техникуме, ведя лекции: *«книжно и схоластично»*.²⁵

Помимо знаний об истории развития древнерусского искусства, Г.К. Вагнер благодаря своему другу Алексею Андреевичу Быкову заполнял пробелы в истории западноевропейского искусства.²⁶ После неудавшейся попытки поступить в Ленинградский институт истории, Г.К. Вагнер решает вновь вернуться в Ленинград, чтобы устроиться преподавателем искусства. Однако, ученому было отказано в работе, в связи с отсутствием постоянной прописки. Научная и творческая карьера Г.К. Вагнера вновь прерывается. После нескольких попыток получить прописку, одновременно подрабатывая грузчиком, ученый возвращается в Рязань. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, научное рвение ученого не было сломлено.

В своей автобиографии, которая является одним из важных источников, Г.К. Вагнер дает ответ на вопрос, почему его начало интересовало именно древнерусское искусство, средневековая религиозная культура. Выбор объекта своей будущей научно-исследовательской деятельности сам ученый объяснял тем фактом, что отдел с древнерусским искусством был самым слабо организованным в галерее.²⁷ Возможно, причина заключалась в том, что в указанный период серьезное и глубокое исследование русского искусства расценивалось как излишний патриотизм, который носил скорее негативные коннотации, а исследования на эту тему расценивались как проявление национализма.

²⁵ Вагнер Г.К. Из глубины взываю... (De profundis). – М.: Кругъ, 2004. С. 51.

²⁶ Вагнер Г.К. См. там же. С. 36.

²⁷ Вагнер Г.К. См. там же. С. 55.

Продолжая работать в Картинной галерее экскурсоводом и читать лекции по истории искусства в художественном техникуме, Г.К. Вагнер начинает свою серьезную научно-исследовательскую работу с изучения Архангельского собора XVI века, который входил в Рязанский архитектурный комплекс. Как отмечает Г.К. Вагнер, изучая литературу по данной проблематике, наибольшее впечатление на него произвели работы Н.Н. Воронина, Н.И. Брунова, А.И. Некрасова.²⁸ Отметив для себя особенный стиль изложения материала, научный аппарат и четкий археолого-архитектурный анализ памятников, Г.К. Вагнер стал подражать подобной манере в своей научно-исследовательской работе.

После изучения Архангельского собора, Г.К. Вагнер занялся изучением Семинарской церкви, колокольни, совершил ряд поездок в села Жолчино и Нагино. Одновременно начал составлять паспорта на архитектурные памятники Рязанской области. Первые доклады были сделаны на учебном совете музея, а в 1934 году со статьей о колокольне Г.К. Вагнер отправляется в Москву, где выступает в Обществе краеведов. Выступление прошло успешно, и, вернувшись в Рязань, Г.К. Вагнер становится заведующим художественной частью Картинной галереи Рязанского музея. С того момента Г.К. Вагнер занимается консультациями по вопросам оформления экспозиций, а так же впервые реэкспозирует Картинную галерею по социологическому принципу. С данным планом Г.К. Вагнер даже ездил в Третьяковскую галерею, где план был успешно одобрен и утвержден.

Тем не менее, Г.К. Вагнер продолжает писать научные работы, так как одной статьи о колокольне было очень мало для того, чтобы стать относительно известным исследователем средневековой культовой архитектуры, хотя, как замечает ученый, у него уже собралось много мелких статей и он мог объединить их в книгу.

²⁸ См. там же.

В 1934 году Г.К. Вагнер поступает на высшие заочные музейные курсы Наркомпроса. В этот момент Г.К. Вагнер отмечает изменения в изучении архитектуры и ее сближения с социологией и археологией. Нужно отметить, что похожая идея господствовала во французском направлении во второй половине XX века во главе с Пьером Франкастелем.²⁹

В связи с активно набирающим обороты градостроительным планом у Г.К. Вагнера начали появляться пессимистичные высказывания и в целом болезненное отношение ко всему происходящему, что отразилось на его умонастроении. Ученый негодовал о сносе Красных ворот в Москве и Сухаревской башне, ругал тех, кто давал указания к этим действиям.³⁰ Как отмечает исследователь А.А. Формозов, помимо Г.К. Вагнера еще множество известных ученых археологов, искусствоведов, востоковедов и художников выступало за сохранение памятников архитектуры, в их числе были: И.Э. Грабарь, Н.И. Романов, В.М. Васнецов, И.А. Орбели и С.Ф. Ольденбург С.Н. Замятнин и многие другие.³¹

В 1936 году в Рязани начались аресты, были арестованы два бывших сотрудника Рязанского музея. Вечером 21 января 1937 года домой к Г.К. Вагнеру приехали из НКВД с целью ареста. Увезли на допрос и спрашивали про контрреволюционную деятельность (про негативный отзыв о сносе башни и т.д.). Один из сотрудников рязанского музея – А.И. Фесенко, был застрелен в собственной квартире при музее представителем органов. Группа «восьми» обвинялась в принадлежности к молодежной организации, связанной с эсеровской организацией Московской области (возглавляемой Московским бюро), целью которой была подготовка вооруженного восстания

²⁹ Субботина О.В. Основные тенденции французской медиевистики второй половины XX века или прикладная историография // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2008. - № 31(69). - С. 295.

³⁰ Вагнер Г.К. См. там же. С.

³¹ Формозов, А.Н. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. 2-е изд., доп. — М.: Знак, 2006. — С.

в начале будущей войны, а так же антисоветская клевета. Г.К. Вагнер был осужден по ст.58-10 (11) и приговорен к 5 годам лагерей. При аресте у Г.К. Вагнера были изъяты письма, фотографии, документы. В итоге Г.К. Вагнера поместили в тюрьму, а через некоторое время отправили в ссылку – на Колыму.³² Так на продолжительное время прерывается научная деятельность ученого.

Второй арест произошел 1 мая 1938 года, когда Г.К. Вагнера отправили под конвоем в барак-тюрьму в Хатыннах. Причина ареста была в том, что Г.К. Вагнер отказался признавать себя виновным в организации лагерной эсеровской организации.

По истечении десяти лет, 1 марта 1947 года, Г.К. Вагнер возвращается из ссылки и реабилитировавшись, возвращается в Рязанский музей, где занимается переустройством художественной экспозиции. Примерно в этот же период, ученый начинает писать книгу о старых архитекторах и художниках Рязани. Параллельно Г.К. Вагнер начинает читать лекции по истории русского искусства в Рязанском художественном училище.

Однако, после начавшейся размеренной жизни, 4 января 1949 года последовал третий арест уже как прежде судимого.

Реабилитирован Г.К. Вагнер был спустя четыре года, летом в 1953 году, в этот же период ученый почти сразу отправился в археологическую, ангарскую экспедицию с известным археологом Алексеем Павловичем Окладниковым. В 1955 году они уезжают в Иркутск, где производились раскопки – от мелких осколков до наскальных рисунков древних людей. Участники экспедиции проплыли от Иркутска до Братска на моторной лодке. Как вспоминает Г.К. Вагнер: «Это были лучшие моменты в жизни после

³² Кызылова И.Л. Г.К. Вагнер. Годы жизни с 1937 по 1956. По следственному делу ЦА ФСБ РФ // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. –

ссылки, что дало новый толчок к научно-исследовательской деятельности».³³

А.П. Окладникову Г.К. Вагнер обязан тем, что он обратил внимание на деревянную архитектуру XVII века приангарских сел. В ней виделись строения с древними традициями. По возвращении в Москву, А.П. Окладников пообещал устроить Г.К. Вагнера в Институт археологии академии наук СССР. С этого момента начинается активная исследовательская и творческая деятельность ученого.

Г.К. Вагнер вернулся в Москву в 1955 году, через два года после получения паспорта. По причине долгой деквалификации, ученый не мог заниматься вновь искусствоведческими делами, потому поначалу он занимается оформительской работой в ВДНХ. В институт археологии Г.К. Вагнер был принят благодаря своей старой знакомой. Однако, без наличия научной степени не могло идти речи о должности научного сотрудника, поэтому ученый стал лаборантом в архивном отделе, но как отмечает сам Г.К. Вагнер, это и так было пределом его мечтаний. За ним присматривал доктор исторических наук – Воронин Николай Николаевич. Позже Г.К. Вагнер перешел под руководство Б.А. Рыбакова. Рыбаков в своей статье вспоминал, что к нему обратилась однокурсница по университету, Людмила Константиновна Розова, которая знала Г.К. Вагнера по Рязани и просила взять его на работу, в виду того, что после 15-лет ссылок никто не хотел принимать на работу бывшего ссыльного. Г.К. Вагнер был очень старательным, серьезным и исполнительным лаборантом.³⁴ Несмотря на то, что Г.К. Вагнер достаточно поздно начал заниматься академической наукой, Б.А. Рыбаков отмечает: *«...очень усиленно, можно сказать, торопливо, но не в плохом смысле, а в смысле, так сказать, жадности к науке знакомился с*

³³ Вагнер Г.К. См. там же. С.

³⁴ Рыбаков, Б.А. Г.К. Вагнер – ученый XX века – в преддверии века XXI. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.

археологией, новейшими данными о древнерусской архитектуре, которой н занимался и раньше»³⁵

Следует отметить, что несмотря на колоссальный вклад Г.К. Вагнера в изучение архитектуры, истории и искусствоведения, благодаря написанию работы о рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, ученый был человеком очень тихим и скромным. После заслуженного присвоения ему степени доктора наук, он не стал кичиться своей научной степенью, а «тихо» продолжил свою научную деятельность. Основным видом деятельности Г.К. Вагнера на тот момент была регистрация полевых негативов с раскопок. Однако, Г.К. Вагнер считал, что для 47-летнего человека и бывшего преподавателя истории искусств это не дело, поэтому Г.К. Вагнер подготовил две статьи по ангарским материалам: «о деревянном зодчестве старожилов приангарья» и «о зодчестве по якутскому тракту».³⁶ Новизна экспедиционного материала способствовала быстрой публикации в журнале «Советская этнография». В 1956 году, поехав с Н.Н. Ворониным на раскопки в Ростов Ярославский, изучал там своеобразную резьбу и опубликовал треть статьи в журнале «Советская этнография».

Впоследствии, Г.К. Вагнер вновь совершает ряд экспедиционных поездок в Суздаль с Н.Н. Ворониным (1959) и в Любеч с Б.А. Рыбаковым (1960). Во время работы в Суздале ученый впервые знакомится со знаменитыми белокаменными храмами Владимира, Боголюбова и церковью Покрова на Нерли. Именно благодаря этой поездке Г.К. Вагнер смог увидеть так же и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, изучением которого занимался Н.Н. Воронин, но не довел работу до логического конца.

Большой научный труд Г.К. Вагнера – работа над реконструкцией первоначального вида фасадной скульптуры Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в XIII веке. Заняться изучением данного архитектурного

³⁵ См. там же.

³⁶ Вагнер Г.К. См. там же. С. 215.

памятника, было предложено Н.Н. Ворониным, с которым у Г.К. Вагнера уже успели сложиться достаточно дружеские отношения. Изучение скульптуры собора требовало значительных знаний не только в области истории и искусствоведения, но и в области конфессиональных отношений. Г.К. Вагнер активно исследует работы известных отечественных (художественных) медиевистов и в целом анализирует отечественную и западноевропейскую традицию изучения средневековой культовой архитектуры. В виду того, что многие работы классиков западноевропейской традиции изучения средневековой культовой архитектуры не были переведены на русский язык, при содействии своей знакомой, Г.К. Вагнер смог прочесть переведенный вариант труда Ф. Халле «Русская романтика», большие разделы Л. Рео о христианской иконографии.³⁷ Большое внимание ученый уделил фасадным рельефам в виду того, что во времена перестройки собора, в XV веке все рельефы были перепутаны. Вместе с фотографом Ю.В. Нескверновым, Г.К. Вагнер ездил каждое лето в Юрьев-Польский, для того, чтобы реконструировать отдельные композиции по фасадам рельефа собора. Как отмечает ученый, благодаря такой скрупулезной работе, перед ним предстала: *«целая картина мироустройства в представлении человека XIII»*³⁸

И уже в 1964 году выходит в свет первая книга «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, город Юрьев-Польской». Работа произвела огромное впечатление в академической среде. Когда в 1966 году вышла вторая книга о мастерах и о стиле скульптуры Георгиевского Собора, то в научном сообществе сразу встал вопрос о защите кандидатской диссертации. Одна из сотрудниц Г. К. Вагнера, с которой они начинали работать в фотоархиве, вспоминает, что у ученого не было высшего образования, без диплома которого ВАК не принимал документы на защиту кандидатской или

³⁷ Вагнер Г.К. См. там же. С. 218.

³⁸ См. там же.

докторской диссертации: *«Знаю, что Борис Александрович Рыбаков, директор и председатель ученого совета нашего института, приложил немало усилий, чтобы эта защита состоялась»*.³⁹

Тем не менее, защита кандидатской диссертации состоялась 1968 года и Г.К. Вагнеру была присвоена степень не кандидата, а доктора искусствоведческих наук, за огромный вклад в развитие изучения искусства Древней Руси. Ученый награжден золотой медалью Академии художеств СССР, получил Государственную премию СССР.

По воспоминаниям близкой знакомой ученого – К.К. Кузнецовой, в последние годы жизни Г.К. Вагнер перенес большую операцию и долго восстанавливался, тем не менее, продолжая работу над очередной рукописью. В тот момент его особо волновал философско-художественный аспект искусства, в связи с чем, ученый читал много произведений уже художественной литературы, а не только научно-исследовательские работы, которые по его воспоминаниям требовали особой подготовки и усидчивости. Как отмечает К.К. Кузнецова, последними мысли ученого были о: *«Боге и о А.Ф. Лосеве»*⁴⁰. Почти вся творческая деятельность ученого была связана с Институтом археологии РАН.

Подводя итог нашего исследования, стоит отдельно упомянуть сборник статей, который был посвящен памяти Г.К. Вагнера. Очень многие статьи и очерки, представленные в данном собрании, не что иное, как воспоминания о Г.К. Вагнере, не только как о выдающемся ученом, но и о прекрасном, добром и душевном человеке. Многие из авторов были лично знакомы с Георгием Карловичем Вагнером, являясь коллегами по Академии, вступали с ним в личную переписку – на этом основываются их воспоминания. Почти

³⁹ Юшко, А.А. Памяти старшего товарища. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 183.

⁴⁰ Кузнецова К.К. Георгий Карлович Вагнер. Последний год жизни. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. - С. 206.

для многих Г.К. Вагнер был, несомненно, фигурой очень трагичной, но вместе с тем не сломленной, продолжающей заниматься научно-исследовательской деятельностью.

Примечательно, что сборник статей «открывает» слово владыки Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского, который говорит о Г.К. Вагнере, как о человеке: *«особой тонкости духовного мироощущения и примерном прихожанине храма Воскресения на Успенском Вражке. Личность Вагнера могла бы стать примерным образом всякому, кто вступает в мир культуры с позиции духовного миропонимания»*.⁴¹

Относительно религиозности автора, Б.А. Рыбаков отмечает, что: *«Мне кажется, что ему помогала еще религиозность. Я не беседовал с ним на эти деликатные темы, но мне кажется, что он был внутренне религиозным, не касаясь церковных обязательных мелочей, иногда имеющих бытовое значение, несколько снижавшее общее значение возвышенной религии. Он относился к христианству с большим почтением, с почтением к тем высоким идеалам, которые заключены в христианстве. Это, мне кажется, помогло Г.К. Вагнеру проникнуть в древнерусское искусство глубже, чем те искусствоведы, которые как-то элиминируют, отодвигают в сторону проблему религиозности»*.⁴²

Г.К. Вагнер вошел в первый ряд отечественных ученых XX века, посвящавших свои труды изучению средневековой религиозной культуры, с широким хронологическим и тематическим диапазоном.

⁴¹ Некрасова, М.А. Собранию памяти Г.К. Вагнера. Слово владыки Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 12.

⁴² Рыбаков, Б.А. Г.К. Вагнер – ученый XX века – в преддверии века XXI. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 210.

2.2. Формирование исследовательского мировоззрения: научное и творческое наследие

Одной из центральных тем научно-исследовательского наследия Г.К. Вагнера является рассмотрение «язычества» (политеизма) в Древней Руси и его последующий процесс христианизации, а так же то, как данная проблематика нашла свое отражение в культовой архитектуре.

В одной из своих фундаментальных работ «Искусство Древней Руси», автор подробным образом рассматривает не только этапы становления и развития древнерусского искусства, начиная от архитектуры и заканчивая живописью, но, что немаловажно, так же анализирует и само состояние эпохи, исторические события; переход от язычества к христианству, а вместе с тем и настроения в обществе и все те факторы, которые так или иначе повлияли на сознание человека того времени.

Г.К. Вагнер отмечает - так же как и Запад подвергался влиянию иных культур – Восточной со стороны Византии и мусульманского мира, что в последствии проявлялось в искусстве, чаще всего в орнаменте внешнего и внутреннего убранства соборов, так и Древняя Русь, будучи еще пропитана языческим духом, впитывала в себя инородные элементы соседних культур. Так, исследователь Сигурд Шмидт уделяет внимание трудам Г.К. Вагнера как выдающегося исследователя древнерусской культуры, не только усилившего интерес к изучению данного периода, но и проследившего в своих трудах влияние менталитета, особого мировоззрения, многих слоев общества на архитектуру. По мнению автора, Г.К. Вагнер сделал попытку осмыслить древнерусское зодчество через призму западноевропейской средневековой религиозной культуры, что мы можем наблюдать в данной

работе ⁴³. В результате Вагнер делает вывод о том, что храмы и церкви строились исходя из определенного видения мира в целом, и отношения к сакральному, в частности. Они выполняли не просто определенную функцию, но и были выражением «мысли в камне».

Для наилучшего понимания мировосприятия человека Древней Руси, автор использует историографический метод, обращаясь к источникам важным для людей той эпохи. Об этом в своей статье «Памяти ушедших» вышедшей в сборнике «Труды отдела древнерусской литературы», посвященной творчеству Г.К. Вагнера, в том числе методологии ученого, пишет О.А. Белоброва. Она указывает, что главными источниками, которые использовал ученый в своей научно-исследовательской деятельности являются: русские летописи, апокрифы («Соломонов цикл», легенда о семи отроках эфесских, Голубиная книга); обращение к Хронике Георгия Амартола, Повести об Акире Премудром, «Слову о полку Игореве», «Молению Даниила Заточника», «Слову о погибели Рускыя земли». Как отмечает О.А. Белоброва: *«Сопоставляя, например, два последних памятника со скульптурой Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Г.К. Вагнер увидел в них идейно-художественное родство («слияние книжного и фольклорного» начал, «усиление личного начала» и т. д.)»*.⁴⁴

По мнению Г.К. Вагнера именно богословское основание легло в основу русского искусства и искусства европейского. Так же Г.К. Вагнер высказывает мысль о том, что несмотря на принятое Русью христианство в 998 году, язычество не сошло на нет, а наоборот – смешалось с христианством, образуя некий новый культурный слой среди народа.⁴⁵ Данную мысль Г.К. Вагнера отчасти мы можем сравнить с понятием

⁴³ Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т.1: Допетровская Русь. Кн. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — С. 658-659.

⁴⁴ Белоброва О.А. Труды отдела древнерусской литературы. — Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1996. — С. 532 – 534.

⁴⁵ Вагнер Г.К. Тысячелетние корни. - М.: Советская Россия, 1990. – С. 4.

«народной религиозности». По мнению Г.К. Вагнера самым трудным отказом языческих славян было признание ими историзма. Однако, не существует никаких письменных источников, повествующих о понятии внеисторизма у славян, но в античном мире можно найти понятие «аисторизма» или «вечное возвращение».⁴⁶ Согласно этому концепту, космос постоянно умирает и рождается – идея круга, а славянские капища - круглые.

Исследователь неоднократно подчеркивает, что Русь приняла христианство не в первоначальной форме, а с византийской спецификой, когда различие между Западной и Восточной церквями было очень заметным, то есть на семь-восемь веков позднее.⁴⁷ Говоря о характере русского искусства, Г.К. Вагнер отмечает, что и здесь переживаемый Византией в X веке Македонский ренессанс не был определяющим фактором. В виду того, что Древняя Русь воспринимала не только византийское, но и древнеболгарское духовное наследие, которое сильно трансформировалось в русской стихии, оба наследия оказались наложенными на мощный пласт славянской культуры.

Продолжая основную мысль о том, что Древнюю Русь не обошло стороной западноевропейское и восточноевропейское влияние, Г.К. Вагнер отмечает, что в отличие от Италии, где византийская иконография имела лишь частичное влияние, в Древней Руси получила свое наибольшее распространение. Однако первое проникновение иконографии на Русь было не христианским, а несло в себе элементы восточного мотивов и имело, прежде всего, эстетическую составляющую, нежели смысловую нагрузку. В результате этого в полной мере развитие и становление христианской иконографии произошло уже намного позже.

Говоря об искусстве в целом, Г.К. Вагнер отмечает немаловажную вещь - в отличие от западноевропейского средневекового искусства, виды

⁴⁶ Вагнер Г.К. См. там же. С. 10.

⁴⁷ Вагнер Г.К. См. там же. С. 242.

которого могли существовать независимо друг от друга, о чем упоминалось в первой главе данного исследования, в Древней Руси все виды искусства представляли собой синтез; они были пронизаны духом единой гармонии.

Переходя к рассмотрению культовой архитектуры, автор отмечает, что после крещения Руси стали активно строиться храмы и произошел переворот в сознании средневекового человека: изначально языческие капища выстраивались кругом, а теперь храмы строились не только объемными, но и имели прямоугольную форму. Форма круга имела особое значение не только для славян-язычников, но и для многих других культур – она символизировала противопоставление «своего» и «чужого», «порядка» и «хаоса». Средневековому человеку понадобилось немало времени, чтобы воспринять и уместить в своем мироощущении новую форму священного места.

Г.К. Вагнер задается вопросом, почему именно такая форма была выбрана для принципиально нового перехода от языческого сознания человека к христианскому видению мира. Г.К. Вагнер полагал, что ссылка на инженерное решение строительства из дерева не будет в полной мере удовлетворяющей. Ответ автор находит в попытке обращения к древним цивилизациям, например, к Древнему Востоку, в котором число «4» являлось священным и мистическим, в результате чего космографическая теория строилась на четырёхъярусном представлении о Вселенной. Поиски символики прямоугольного объекта, возможно, уходят корнями в Древней Египет. На саркофаге фараона Сети (XIV в. до н.э.) Земля изображена в виде прямоугольного ящика. Прямоугольными по форме в плане строительства возводились все египетские пирамиды. Вероятно, символика такой формы восходит к мифу об Озирисе, спасшемся от потопа в ящике. В связи с тем, то числу «четыре» придавалось мистическое значение, отсюда, по мнению ученого, оно могло перейти в иудаистическую мифологию (Пятикнижие

Моисея), а через античность - в христианство.⁴⁸ Тем не менее, в виду того, что автора интересовала, прежде всего, христианская интерпретация, то она нашла свое отражение в Библии, а точнее в Ветхом Завете, где говорится о том, что Ковчег имел четырехугольную форму.

Еще один посыл к возведению храма прямоугольной формы в Древней Руси автор усматривает в заимствовании идей западноевропейской традиции (античной), которая в лице основоположников христианского гнозиса Климента Александрийского и Оригена так же указывали на строение мира в виде четырёхугольного ковчега. Г.К. Вагнер отмечает, что, несмотря на крещение Руси, сознание и мироощущение средневекового человека оставалась еще частично языческим, поэтому совсем не многие люди осмеливались входить в храмы. Однако, постепенно ситуация менялась и мастера начали использовать в декоре внутреннего убранства храма языческие мотивы, что не могло не способствовать «лучшей адаптации». Тем не менее, византийская санкция запрещала использовать какие-либо явные или латентные отсылки к языческим мотивам. Г.К. Вагнер продолжает в своих многочисленных работах развивать идею о том, что языческое прошлое еще продолжительное время служило адаптацией средневекового человека к «принятию» новой веры, фактически новой картины мира.

Вскоре после своей реабилитации, в 1960 году, Г.К. Вагнер выпускает книгу в Рязанском книжном издательстве – «Старые художники и архитекторы Рязани», посвятив ее памяти своего учителя Дмитрия Дмитриевича Солодовникова. Большой успех пришелся на книгу «Рязанские достопримечательности», написанную в соавторстве с рязанским художником, реставратором-архитектором и краеведом – Сергеем Васильевичем Чугуновым.⁴⁹ Очерк-альбом, как отозвался о нем автор,

⁴⁸ Вагнер Г.К. См. там же. С 252.

⁴⁹ Стерлингов, А.Б. «Рязанский Вагнер». // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 185.

посвящен художественному наследию старинного русского города, малой Родине Георгия Карловича – Рязани. Альбом снабжен большим количеством иллюстраций и рисунков, что позволяет читателю, познакомиться с памятниками, как древнерусского зодчества, так и архитектурными сооружениями XVII - начала XIX веков, живописными произведениями искусства. Автор дает краткую характеристику нескольких столетий в истории развития искусства земли рязанской, отражающей все изменения в политическом и экономическом устройстве русского государства.

Нас, в первую очередь, интересует средневековое храмовое зодчество Рязанского княжества. Г.К. Вагнер обращает внимание на то, что до начала XIX века о культуре и искусстве древней Рязани ничего нельзя было сказать. И лишь проведенные в более позднее время раскопки открыли для изучения остатки Борисоглебского, Спасского, Успенского соборов и церкви в Ольгове-городке, датируемые XII-XIII веками. В своем очерке автор опирается на мысль о том значении, которое приобрел храм в средневековье. Храм – центральное городское сооружение, сосредоточение общественной и культурной жизни, последняя цитадель в осадное время, лицо города, лицо княжества. Автор дает описание реконструированных соборов, находя в них черты киевских традиций, художественную переключку с черниговским и владими́ро-суздальским зодчеством. Автор отмечает, что «попытки присоединить рязанскую архитектуру к той или иной школе – киевской, черниговской, смоленской и т.д. – не могут быть признаны удачными, так как неправомерно лишают ее собственных оригинальных черт. Вместе с тем памятники находятся в русле передовых исканий русской архитектурной мысли конца 12 века, увлеченной образами возвышенными, динамическими.

50

Особое внимание автор уделяет мысли о наличии в Рязани фресковой и иконной живописи (не сохранившейся до наших дней), высоком уровне

⁵⁰ Вагнер Г.К. Рязань. – М.: Искусство, 1971. – С. 8-9.

развития художественных ремесел. Например, знаменитые золотые рязанские бармы. *«В настоящее время ученые склонны видеть во всех этих изделиях произведения рязанской ювелирной школы (начало 12 в.), так как подобные вещи нигде не встречались».*⁵¹

Г.К. Вагнер отмечает, что храм являл собой воплощение синтеза искусств – архитектуры, скульптуры, фресковой живописи, иконописи, декоративно-прикладного искусства. Как отмечает М.А. Некрасова, в поздний период жизни творчества ученого идея храма переживалась им в значениях философии Владимира Соловьева как всечеловеческого, вселенского единства в Богочеловеке, - храм Духа.

Не смотря на то, что Древняя Русь подверглась западноевропейскому влиянию, в своей статье «Византийский храм как образ мира», Г.К. Вагнер проводит параллели между восточноевропейской, а именно византийской культурой и древнерусской, подчеркивая, что архитектура обеих культур являла собой господство определенных идей. Крестово-купольная конструкция византийского храма прижилась на Руси благодаря тому, что в полной мере олицетворяла «небо на земле» и вследствие этого средневековое сознание адекватно восприняло данный феномен в культовой архитектуре. Для автора в исследовании важна, прежде всего, смысловая нагрузка культовой архитектуры, обусловленная переходом от языческих представлений о вселенной, к христианскому видению мира, что так же является важным и в нашем исследовании.

Однако, стоит отметить, что в отличие от многих исследователей, занимающихся вопросами византийского влияния на культовую архитектуру Древней Руси, в своей статье «Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве», Г.К. Вагнер выражает мысль, что древнерусское

⁵¹ Вагнер Г.К. См. там же. С. 11.

искусство не являлось прямым продолжением искусства византийского.⁵² Причину этого ученый видит в том, что, не смотря на различные завоевания, на утверждение «новой идеологии», всегда остаются пережитки прошлого. В случае с христианизацией Руси, языческое прошлое еще долго переосмыслялось в старых образах.

Помимо художественной медиевистики и религиозно-философской мысли, Г.К. Вагнера интересовал и ряд других научных вопросов. Например, близкий друг Г.К. Вагнера, С.В. Вонсовский, в сборнике «Ученый, художник, человек», опубликовал ряд писем, в которых Г.К. Вагнер непосредственно делится своими научными «исканиями». Всего в статье представлено 11 писем: с декабря 1980 года по декабрь 1993 года. Личные письма данного характера не входят в область нашего исследования, как не имеющего прямого отношения к вопросу о средневековой религиозной культуре, но, на наш взгляд, являющиеся интересным источником в связи с изучением интеллектуальной биографии Г.К. Вагнера.

- 1) *«Что такое пси-функция, лежащая, по словам В. Тросникова, в основе всех наблюдаемых закономерной Вселенной?» «Приходилось ли тебе читать книгу В.В. Налимова (д.тех.наук) «Спонтанность сознания»⁵³ (№8 от 21 января 199 года)*
- 2) *«Я очень слаб в этих науках, можно сказать полный невежда. Между тем вопрос о природе сознания, вернее – Духа, очень важен. Без него невозможен ответ о началах всех начал. Вот эти вопросы стали занимать меня в связи с природой средневекового искусства, а затем стали важны и сами по себе с общемировоззренческих позиций»⁵⁴*

⁵² Вагнер Г.К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве. // Скифо-сибирский звериный стил. в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 251-252.

⁵³ Вонсовский, С.В. См. там же. С. 171.

⁵⁴ Вонсовский, С.В. См. там же. С. 172.

3) *«Не скрою, это (пси-функция) задевает мои взгляды на религию, в области которой древние интуиции, как мне думается, «содержат больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого явления к изменениям характеристик мозга». Я воспользовался формулировкой М.Н. Мамардашвили, которого считаю мудрейшим из наших философов». (от 16 марта 1991 года)*⁵⁵

Как отмечает в своей работе ученица Г.К. Вагнера, А.М. Некрасова, научные работы Г.К. Вагнера являли собой достижения дореволюционной и советской науки. Философское и историко-культурологическое осмысление искусства и художественных образов определяют методологию ученого. Ученому так же были присущи эмпирические наблюдения и широкий круг аналогий и теоретических обобщений и выводов. Вспоминая работу с ученым, А.М. Некрасова неоднократно подчеркивает, что Г.К. Вагнеру: *«...были чужды всякая эпатажность, вкусовщина в искусстве, так и искусствоведении. Ничего нет случайного, эпатажного, наносного, игрового, показного, что бывает в искусствоведческих работах данью временным тенденциям и модным пристрастиям».*⁵⁶

Культуру Киевской Руси Г.К. Вагнер не разделял, как это было принято в научных кругах, на городскую – ученую и деревенскую – фольклорную: *«это была одна культура очень сильно фольклоризованная и уже по одному этому – не византийско-теософская» «собственно богословия у нас долгое время не было»*⁵⁷. Так же Г.К. Вагнер видит в художественных образах искусства преемственность и силу традиций русского сознания. Природа духовного творчества – главный вопрос, который находился в центре внимания творчества Г.К. Вагнера. Данное

⁵⁵ Вонсовский, С.В. См. там же. С. 172.

⁵⁶ Некрасова, М.А. Значение трудов Г.К. Вагнера. – История, теория, методология // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 16.

⁵⁷ Вагнер Г.К. Из глубины вызываю... (De profundis). – М.: Круг, 2004. – С. 242.

понятие автор связывал с понятием ценности или калокагатии (греческое понятие, связанное с идеалом прекрасного и благого в человеке)⁵⁸. Тяжелые последствия татаро-монгольского ига помешали развитию на Руси ренессансных начал, создав условия для преодоления греко-болгарского влияния, который нашел свое выражение в понятии исихазма – теории религиозного «ухода в себя». Однако, уделяя огромное количество внимания данному явлению, историки искусства так и не пришли к единому выводу относительно того, насколько сильно оно оказалось влияние на русское изобразительное искусство.⁵⁹

Одна из значимых работ Г.К. Вагнера «Н. Н. Воронин и его «философия в камне»⁶⁰ - часть задуманной книги о Н.Н. Воронине, написанная в последние годы жизни ученого. Работа представляет особый интерес, как пример дани уважения своему наставнику, а так же в связи с историей о том, почему Г.К. Вагнер начал изучение данного собора.

В предисловии к своей работе Г.К. Вагнера упоминает таких ученых как, М.В. Алпатов, Н.Н. Воронин, И.Э. Грабарь, В.Н. Лазарев, В.А. Фаворский, которые, которые по его мнению, ввели русскую науку об искусстве к вершинам европейской мысли: *«Каждый из них – своего рода феномен как по многогранности дарования, так и по силе духа»*⁶¹.

В связи с тем, что Г.К. Вагнеру принадлежит огромная заслуга в реконструкции Георгиевского собора, ставшей основой для будущей докторской работы, он уделяет больше внимание работе Н.Н. Воронина над

⁵⁸ «Калокагатия» - др.-греч. «хороший/прекрасный» - понятие, используемое в античной этике, связанное с идеалом прекрасного и благого в человеке.

⁵⁹ Вагнер Г.К. Из глубины вызываю...(De profundis). – М.: Кругъ, 2004. – С. 243.

⁶⁰ «Н. Н. Воронин и его «философия в камне» - часть задуманной книги о Н.Н. Воронине, написанная в последние годы жизни. Публикуется впервые в коллективном труде «Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник, человек.

⁶¹ Савельев, Ю.Р. Памяти выдающихся ученых: Г.К. Вагнер о Н.Н. Воронине // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 95.

рельефами Георгиевского собора, которая так и не была закончена. Г.К. Вагнер в достаточно свободной форме излагает основные факты в истории изучения Георгиевского собора. В 1925 году Н.Н. Воронин становится активным участником экспедиции по изучению памятников владимиро-суздальского зодчества своего учителя именитого петербургского исследователя К.К. Романова. Экспедиция была организована ГАИМК, в которой К.К. Романов ведал разрядом русского зодчества⁶². Ко времени поступления в университет Н.Н. Воронина, у К.К. Романова уже было несколько работ о Георгиевском соборе в городе Юрьеве-Польском (1230-1234). Однако, как отмечает Г.К. Вагнер, в годы поступления в аспирантуру, Н.Н. Воронин не стал продолжать исследования К.К. Романова по Георгиевскому собору, а выбрал предметом своей кандидатской работы памятники древнерусской архитектуры. Такими памятниками оказались: малоизвестная церковь XVI века Благовещенского погоста Александровского уезда Владимирской губернии и церковь XVI века Козьмы и Демьяна в Муроме.

Немаловажным является тот факт, что интерес К.К. Романова к архитектуре Владимиро-Суздальской Руси, по видимому, ослабевал в виду того, что – Н.Н. Воронин в своих владимирских письмах к К.К. Романову жаловался на ухудшение отношения владимирских властей к археологическим раскопкам ленинградских ученых. Воронину неоднократно отказывали в допуске к тем или иным памятникам, в результате чего приходилось просить помощи у К.К. Романова, со стороны Академии наук.⁶³

Однако, Г.К. Вагнер видит в этом совсем другую причину – усиление атеистической политики, которая в провинциях принимала «еще более уродливые формы». ⁶⁴ И если у Н.Н. Воронина как у более молодого ученого

⁶² Савельев Ю.Р. См. там же. С. 102.

⁶³ Савельев, Ю.Р. См. там же. С. 106.

⁶⁴ См. там же.

это вызывало внутреннюю волну протеста, то у более пожилого К.К. Романова – лишь охлаждение к архитектуре.

Приемником К.К. Романова по изучению Владимиро-Суздальской Руси, и в частности в работе над Георгиевским Собором вероятнее всего должен был стать А.И. Некрасов, уже с 1924 года начавший включать Владимиро-Суздальскую Русь в сферу своих интересов. Однако, позднее А.И. Некрасов отказался. И работа над изучением Георгиевского собора оставалась «свободной». Памятник древнерусской архитектуры представлял большой интерес для многих исследователей и требовал серьезного и трудоемкого подхода. Разглядев огромный потенциал ученого в Г.К. Вагнере, Н.Н. Воронин обратил внимание его на эту культовую архитектуру.

Так же помимо изучения Древней Руси, двадцать последних лет своей жизни ученый посвятил изучению древнего искусства Беларуси (X-XIII век). Большое внимание Г.К. Вагнер уделял методологии и атрибуции произведений. Основу исследований составляли архивные изыскания, иконография, агиография, палеография, стилистические аналоги, история костюма, орнаменты, заключения химиков и рентгенологов – индукция соединенная с дедукцией. Используя междисциплинарный подход Г.К. Вагнер, отмечает, что, не смотря на единое пространство в древности России, Украины и Беларуси, древнее искусство Беларуси имеет, тем не менее, свои национальные особенности.

Наибольшее влияние на мировоззрение Г.К. Вагнера оказали труды философа А.Ф. Лосева. Идеи А.Ф. Лосева во многом были схожими с представлениями ученого о том, что есть «духовность», что есть «религия». В связи, с чем Г.К. Вагнер посвятил ему отдельную главу своей автобиографии. Он часто выступал в доме Лосева в Москве и посвятил ему статью ««Троица» Андрея Рублёва в свете «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева» (2008), которая была прочитана на пленарном заседании в 1991 году, а затем посмертно опубликована в научном журнале. В данной статье

Г.К. Вагнер пишет о том, что категории Троицы «единосущия», «неслиянности», «нераздельности» наилучшее визуальное выражение находят в одноименной иконе Андрея Рублёва, анализ которой нельзя представить без философско-эстетических штудий А.Ф. Лосева. По воспоминаниям коллеги Г.К. Вагнера, его личное и большое впечатление о личности Вагнера были именно от академических конференций, посвящённых творческому наследию А. Ф. Лосева. Конференции проходили в МГУ им. Ломоносова. Не смотря на то, что Г.К. Вагнера знали в первую очередь как искусствоведа и знатока древнерусской культуры, его доклады имели глубокое философское содержание.⁶⁵ Наиболее часто упоминаемыми авторами всегда были представители в основном русской философской мысли – Н. Лосский, И. Ильин, Н. Данилевский, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Франк, Трубецкой, а так же другие мыслители и ученые. - Вельфлин, В.В. Бычков, Ф. Ницше, Вышеславцев, А. Эйнштейн, М. Мамардашвили, Ямвлих и т.д.⁶⁶ Г.К. Вагнер виделся некоторым коллегам строгим и порой очень резким не в человеческих отношениях, но в отстаивании истин исторических, научных и художественных. Его возмущали «конъюнктурщики от науки»⁶⁷.

В последующие годы жизни Г.К. Вагнера можно проследить тенденцию к написанию им более философско-религиозно ориентированных работ, в частности его книга «В поисках Истины: религиозно-философские искания русских художников. Середина XIX - начала XX в.». Книга посвящена главным образом отечественным художникам, работавшим в жанре религиозной живописи, некоторые из которых входили в товарищество передвижных художественных выставок.⁶⁸ – А.А. Иванову, Н.Н. Ге, В.М. Васнецову, В.А. Врубелю, И.Н. Крамскому, Н.К. Рериху и др.

⁶⁵ Дудкин, В.Д. Мои встречи с Г.К. Вагнером. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 192.

⁶⁶ См. там же.

⁶⁷ См. там же. С. 195.

⁶⁸ Так же известные как «Передвижники».

В данной работе ученый своей целью ставит показать во всей полноте эти самые искания русских художников. Примечательно, что каждая картина сопровождается ссылками на Библию, в частности на Новозаветные тексты. Г.К. Вагнер полагал, что русские художники выражают собой живую русскую философскую мысль, а произведения авторов являются неким олицетворением целого нравственно-философского трактата.⁶⁹

Ученый отмечает, что: *«что ни «русский религиозно-философский Ренессанс», ни современное ему творчество художников на религиозные темы не укладывались в прокрустово ложе атеистической «октябрьской идеологии». В лучшем случае это все подвергалось негативной критике под эгидой осуждения «богоискательства» или «богостроительства». В худшем случае просто замалчивалось, как будто никаких «трансцендентных исканий» вообще не было. В результате рисовалась картина полного кризиса дооктябрьского русского искусства, выход из которого связывали с созданием «пролетарского искусства»».*⁷⁰ Попытку ответить на давний вопрос: «что есть истина?» Г.К. Вагнер усматривает не только в творчестве русских художников. Считает, что лучше оставить его вопрос без ответа в силу того, что каждый человек с возрастом сам для себя открывает эту самую истину.

Так же Г.К. Вагнер отмечал, что художественное многообразие свидетельствует о расширении творческого опыта. Развитие искусства всегда многоступенчатое. Еще одним направлением в художественном искусстве, выходящим, казалось бы, за рамки объекта изучения Г.К. Вагнера и за рамки нашего исследования, но лишней раз подтверждающей разностороннюю натуру ученого, являлась живопись авангарда, которую ученый считал в корне своей очень религиозной. Свои соображения по этому поводу Г.К.

⁶⁹ Вагнер Г.К. См. там же.

⁷⁰ Вагнер Г.К. В поисках Истины: религиозно-философские искания русских художников. Середина XIX - начала XX в. - М.: Искусство Российский фонд культуры, 1993. - С. 7.

Вагнер так же отразил в своей автобиографии, где уделил живописи авангарда значительное место.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что Георгий Карлович Вагнер, человек трагической судьбы, попав в молодые годы под идеологическую машину советской власти, впоследствии продолжил заниматься научно-исследовательской деятельностью, участвовать в экспедициях, заниматься реставрационными работами, сохраняя памятники Древней Руси. Его работы были высоко оценены в научных кругах. Так же, несмотря на искусствоведческую направленность своей научной деятельности, интересовался философско-религиозными аспектами, что возможно, было результатом его глубокой внутренней религиозности, видел в произведениях культовой архитектуры не только художественную ценность, но и изначально заложенный религиозный смысл.

Заключение

В результате проделанной работы можно представить следующие выводы:

Обращение к историографии проблематики и анализ западноевропейской и отечественной традиций изучения средневековой культовой архитектуры демонстрирует наличие общего и особенного, например, в методологии.

Как в западноевропейской, так и отечественной традиции можно выделить два противоположных подхода в методологии. Первый – формальный, характерный для сторонников функционального назначения культовой архитектуры, где внимание направлено на рациональность средневекового зодчего. В западноевропейской традиции представителями данного подхода были в первую очередь немецкие исследователи, такие как: А. Гильдебранд, А. Ригль, Г. Вельфлин. В отечественной традиции к приверженцам формальной школы можно отнести А.И. Некрасова.

Второй подход - символический (духовный), подразумевающий наличие определенной семантики. В литературе такой подход иногда называют иконологическим. Среди западных приверженцев такого подхода можно выделить Э. Панофского, Э. Маля, А. Варбурга, Э. Гомбриха, а среди отечественных – Ф.И. Буслаева, Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова, Н.П. Лихачева. В связи с этим представляется возможным соотнести (вписать) научную деятельность Г.К. Вагнера с традицией символического подхода в отечественной художественной медиевистике.

Несмотря на схожесть подходов в изучении культовой архитектуры как особого вида проявления ментальности религиозного средневекового человека, следует отметить, что древнерусское зодчество только начало формироваться, в то время как строительство храмов на Западе имело уже многовековую историю. Это послужило результатом того, что христианская традиция сформировалась на Западе задолго до того, как получила свое распространение в Древней Руси. Средневековому человеку на Руси, в сознании которого долго оставались языческие элементы, требовалось больше времени для осмысления новых способов возведения культовых

сооружений. Западноевропейский средневековый человек легче адаптировался к изменению стилей, однако некоторое время продолжал использовать в оформлении убранства храма «языческие» мотивы, в основном это относилось к скульптуре на фасадах.

В Западной Европе икона не получила повсеместного распространения, в противовес витражам и скульптуре, ученые не уделили ее изучению должного внимания. В отечественной традиции имело место обратное положение дел — в связи с византийской рецепцией иконописи, исследователи, среди которых можно выделить Н.П. Кондакова, уделяли много внимания изучению икон, и в меньшей степени пластических образов, хотя им отводилось внимание в убранстве некоторых храмов.

Традиции изучения средневековой культовой архитектуры в данном исследовании были рассмотрены в контексте составления предварительного анализа о степени изучения данных традиций Г.К. Вагнером, обозначив круг авторов, на чьи труды он опирался в своей исследовательской деятельности. Сделанные выводы могут быть полезны в дальнейшем изучении биографии и творческого наследия Г.К. Вагнера.

Вновь обращая внимание на основные вехи жизненного пути и творческого наследия Г.К. Вагнера, следует отметить следующие аспекты. Во времена советской власти в исторической науке первостепенное место было отведено изучению трех революций в целом, и Великой октябрьской, в частности, а также наследию классиков марксизма-ленинизма. В связи с этим исследования по средневековой религиозной культуре, и культуре Древней Руси были сочтены не «значимыми» и «неудобными» советской власти, и детально не рассматривались. Г.К. Вагнер стал ученым, избрав данные области для детального изучения, активно выступал за реставрацию храма Христа Спасителя и других православных храмов, в связи с чем дважды оказался в ссылке вместе с другими учеными-историками, стремившимися сохранить памятники культовой архитектуры. Исследователи,

заинтересованные в сохранении и изучении наследия Г.К. Вагнера как историка искусства, а так же его вклада как археолога и историка религии, отмечают в своих работах большой вклад ученого в интеллектуальную историю, его самоотверженность и полную отдачу своему делу.

Большая часть работ Г.К. Вагнера посвящена изучению средневековой религиозной культуры, в частности культовой архитектуры, где исследователь наглядно демонстрирует осмысление средневековым человеком процесса христианизации Древней Руси, еще продолжительное время остававшейся языческой, и то, как это отразилось в культовой архитектуре. Г.К. Вагнер неоднократно затрагивает тему влияния Византии на искусство Древней Руси, краеугольного камня в отечественной традиции изучения христианских древностей, приходит к выводу, что говорить о полном восприятии византийской традиции неверно. По мнению К. Вагнера, «движущей силой» культовой архитектуры, в частности древнерусской, выступает духовное начало в человеке. Этому заключению во многом способствовало влияние идей русской философии, что впоследствии нашло свое отражение и в научных работах ученого.

В связи с этим представляется необходимым более детальное и внимательное исследование и изучение наследия Георгия Карловича Вагнера для дальнейшей основы изучения интеллектуальной истории, средневековой религиозной культуры, и науки о религии в России.

Список источников и использованной литературы

Источники:

1. Вагнер Г.К. В поисках Истины: религиозно-философские искания русских художников. Середина XIX - начала XX в. - М.: Искусство Российский фонд культуры, 1993. - 175 с.
2. Вагнер Г.К. Византийское искусство в трудах В.Д. Лихачевой (1937-1981) // Византийский временник. Т. 45. – М.: Наука, 1984. – С. 121-139.
3. Вагнер Г.К. Византийский храм как образ мира // Византийский временник. Т. 47. – М., 1986. – С. 163–181
4. Вагнер Г.К. Из глубины вызываю...(De profundis). – М.: Кругъ, 2004. – 272 с.
5. Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси. – М.: Искусство, 1993. – 255 с.
6. Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
7. Вагнер Г.К. К судьбам византийского наследия во владимиро-суздальской пластике// Византийский временник. Т. 24. – М.: Наука, 1964. - С. 121-128.
8. Вагнер, Г.К. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках. // Краткие сообщения: о докладах и полевых исследованиях Института археологии. – М.: Академия наук СССР, 1961. - С. 26-30.
9. Вагнер Г.К. О системном подходе к изучению русской художественной культуры //Проблемы русской средневековой художественной культуры. Государственный музей Московского Кремля. Материалы и исследования. – М., 1990. (№7) - С. 5-17.
10. Вагнер, Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. – М.: Искусство, 1974. – 268 с.
11. Вагнер Г.К. Рязань. – М.: Искусство, 1971. – с.
12. Вагнер, Г.К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве. // Скифо-сибирский звериный стил. в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 250 – 257.

13. Вагнер Г.К., Невелецкая Н.Н. Становление личности в обществе Киевской Руси. // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). - М.: Институт археологии РАН, 1993. – С. 35-39.
14. Вагнер Г.К. «Троица» Андрея Рублёва в свете «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева. // Российский научный журнал. № 4(5), 2008. – С. 14-17.
15. Вагнер Г.К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство, 1973, №7.
16. Вагнер Г.К. Тысячелетние корни. - М.: Советская Россия, 1990. – 96 с.
17. Вагнер Г.К. Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой (1937-1981). // Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937-1981 гг.) / сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 1989. – С. 5-11.

Исследования:

18. Алексеев, Л.В. Наш Георгий Карлович. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.175-181.
19. Бабий, А.Н. Дорогому учителю и другу. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 195-198.
20. Белоброва, О.А. Труды отдела древнерусской литературы. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1996. – С. 532 – 534.
21. Беляев, Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. - СПб.: Алетейя, 2000. – 574 с.
22. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики (1917-1966). – Л.: Наука, 1968. – 435

23. Ванеян С.С. Архитектура и иконография (проблемы классических методов истории искусства) // Вестник московского университета. Сер. 8. № 2. – М., 2007. – С. 92-104.
24. Вонсовский, С.В. О Георгии Карловиче Вагнере – Гурлике. Письма Г.К. Вагнера к С.В. Вонсовскому 1980-1993 гг. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.164-174.
25. Высоцкая, В.Ф. Г.К. Вагнер об искусстве средневековой Белоруссии. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 380-383.
26. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
27. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
28. Дудкин, В.Д. Мои встречи с Г.К. Вагнером. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.192-194.
29. Дюби, Ж. Время соборов: Искусство и общество 980-1420 годов. – М.: Ладомир, 2002. – 379 с.
30. Жебелев С.А. Введение в археологию: история археологического знания. Ч. 1. – П.: Наука и школа, 1923. – 199 с.
31. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 2 (18) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000480-7-1> (дата обращения: 04.02.2018).
32. Иоаннисян, О.М. П.А. Раппопорт: жизнь и творческое кредо ученого. // Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. – С. 3-35.

33. Кузнецова К.К. Георгий Карлович Вагнер. Последний год жизни. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.199-
34. Курбатов О.Л., Воронецкий В.И. Одна из «рязанских достопримечательностей» Г.К. Вагнера – Протасьев Угол, судьбы его обитателей и их тропининских портретов. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.409-445.
35. Кызылова, Г.К. Вагнер. Годы жизни с 1937 по 1956. По следственному делу ЦА ФСБ РФ // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.154-163.
36. Кызласова, И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920-1930-е годы: По материалам архивов. – М.: Издательство Академии горных наук, 2000. – 440 с.
37. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001. – 804 с.
38. Морозова О.В. Методологический анализ структуры иконографического и иконологического методов в историко-архитектурном исследовании. // Вестник ТГАСУ. - Н., 2011 (№4). – С. 37- 53.
39. Некрасова, М.А. Значение трудов Г.К. Вагнера. – История, теория, методология // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 15-31.
40. Некрасова, М.А. Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник – человек совести и чести. Вагнер в научных дискуссиях// Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 132 – 149.
41. Орлов, И.И. Краткий анализ зарубежной историографии готического искусства.// Вестник МГХПУ им. С.Г. Строганова «Декоративное

- искусство и предметно-пространственная среда». – М., 2/2008 часть 1. – С. 226-230.
42. Орлов, И.И. Проблемы целостного подхода к историографии культовой готики. Тенденции общего развития медиевистики.//
43. Орлова, Е.Ю. «Русский стиль» в архитектуре и национальной культуре России (XVI-XX вв): автореф. дис. ... канд. искус. наук / Орлова Е.Ю. – Барнаул, 2009. – 24 с.
44. Павлович, М.К. Г.К. Вагнер и Ростов Великий / История и культура ростовской земли// Материалы конференции 2009. – С. 39–397
45. Проценко, В.В. Храм как социокультурный феномен // Культура народов Причерноморья. — 1999. — № 6. — С. 423-427.
46. Раппопорт А.П. О методике изучения древнерусского зодчества.// Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. – С. 47-60.
47. Раппопорт А.П. Основные итоги и проблемы изучения зодчества Древней Руси. // Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. – С. 61-69.
48. Решетов, А.М. Материалы к библиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. – СПб.: Наука, 2012. – 582 с.
49. Рыбаков, Б.А. Г.К. Вагнер – ученый XX века – в преддверии века XXI. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 209-210.
50. Рыбаков, Б.А., Даркевич В.П. Памяти Георгия Карловича Вагнера (1908-1995) // Российская археология. М.: Институт археологии РАН, 1995 (№3). С. 249 – 255.
51. Савельев, Ю.Р. Памяти выдающихся ученых: Г.К. Вагнер о Н.Н. Воронине // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 150-153.

52. Саetzянова, Г.Д. Средневековые изображения в исследовательском поле французских историков XX-XXI веков. // Преподаватель XXI века. – М., № 2, 2015. – С. 296-304.
53. Сарабянов, Д.В. О Георгии Карловиче Вагнере и его суждениях о русском авангарде // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 125-131.
54. Стерлингов, А.Б. «Рязанский Вагнер». // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 185-188.
55. Субботина, О.В. Анри Фосийон. К вопросу о формальном методе во французском искусствознании// Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2008. - № 31(69). - С.291-294.
56. Субботина, О.В. Основные тенденции французской медиевистики второй половины XX века или прикладная историография // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СПб., 2008. - № 31(69). - С.294-299.
57. Формозов, А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – 2-е изд., доп. - М.: Советская Россия, 1990. – 112 с.
58. Формозов, А.Н. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. 2-е изд., доп. — М.: Знак, 2006. — 344 с.
59. Черепнин, Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения Т.1/ Сост., общ. ред. В.Д. Назарова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 400 с.
60. Чугунов, С.В. Учителю, соратнику, другу. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.189-191.

61. Шахнович, М.М. Культурная революция в СССР и наука о религии. // Шахнович, М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. – СПб.: Наука, 2016. – 367 с.
62. Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т.1: Допетровская Русь. Кн. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — С.654-663.
63. Юшко, А.А. Памяти старшего товарища. // Георгий Карлович Вагнер - ученый, художник, человек. Под. Ред. М.А. Некрасовой. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С.182-184.